

Санкт-Петербургский государственный университет

ФЕДОТКОВА Юлия Павловна

Выпускная квалификационная работа

**Лингвопрагматический потенциал фактора адресата в публичной речи
(на материале выступлений Ф.-В. Штайнмайера и Р. Херцога)**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5055 «Иностранные языки»
Профиль «Немецкий язык»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра немецкой
филологии,

Езан Ирина Евгеньевна

Рецензент:

доцент, ФГБОУВО

«Саратовский

национальный

исследовательский

государственный

университет им.

Н. Г. Чернышевского»,

Сычалина Екатерина Вячеславовна

Санкт-Петербург

2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ФАКТОР АДРЕСАТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	7
1.1. Политическая лингвистика в научно-исследовательском пространстве	7
1.2. Политический дискурс как объект лингвистического исследования	8
1.2.1. Определения политического дискурса.....	8
1.2.2. Принципы функционирования политического дискурса.....	9
1.2.3. Модель многоуровневого лингводискурсивного анализа DIMEAN.....	10
1.3. Роль фактора адресата в политической публичной речи	12
1.3.1. Ориентация на адресата в политической коммуникации.....	12
1.3.2. Публичная речь как форма речевой деятельности.....	17
1.3.3. Речь федерального президента как подтип политической публичной речи	20
1.3.4. Ориентированные на адресата языковые средства в политической публичной речи	21
Выводы по Главе 1	27
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА АДРЕСАТА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПУБЛИЧНЫХ РЕЧАХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПРЕЗИДЕНТОВ ФРГ	29
2.1. Анализ политического дискурса Германии в периоды президентства Р. Херцога и Ф.-В. Штайнмайера.....	29
2.2. Описание эмпирического материала.....	31
2.3. Общий статистический обзор результатов анализа материала	32
2.4. Анализ лексических средств.....	33
2.4.1. Местоимение «мы»	33
2.4.2. Ключевые слова.....	35
2.4.3. Метафоры.....	39
2.4.4. Оценочные существительные и прилагательные.....	43
2.4.5. Антитезы	47
2.4.6. Параллельные гендерные формы	49
2.5. Синтаксические средства	51
2.5.1. Перечисления	51
2.5.2. Грамматический параллелизм.....	54
2.5.3. Риторические вопросы и восклицания.....	55
2.5.4. Короткие предложения	58
Выводы по Главе 2.....	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	64
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	66
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	68

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	74
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА С СОКРАЩЕНИЯМИ.....	75
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	78

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе на материале выступлений федеральных президентов ФРГ Ф.-В. Штайнмайера и Р. Херцога рассматривается фактор адресата в немецких политических публичных речах. Тема работы – лингвопрагматический потенциал фактора адресата в публичной речи.

Основной тезис работы заключается в следующем: адресат является одним из решающих факторов при создании текста публичной речи; особенную роль он играет в демократическом политическом дискурсе, где доверие и поддержка адресата во многом определяет расстановку политических сил. Фактор адресата влияет, в частности, на языковое оформление публичной речи, и это влияние проявляется, помимо прочего, в выборе лексических и синтаксических средств, включая стилистические, находящихся в фокусе данной работы. Второй тезис работы состоит в том, что, несмотря на временные изменения в политическом дискурсе, личностные и идеологические различия, основные языковые средства в речах федеральных президентов остаются прежними.

Объект исследования — фактор адресата в немецкоязычной публичной речи политиков, предмет исследования – ориентированные на адресата языковые средства в публичной речи федеральных президентов ФРГ. Целью исследования является изучение влияния фактора адресата на лексическую и синтаксическую стороны публичной речи федерального президента. Эту цель предполагается достичь путём выполнения следующих задач:

1) обобщение существующих в современной лингвистике теоретических положений о факторе адресата в политической коммуникации и в частности в политической публичной речи;

2) создание корпуса публичных речей федеральных президентов ФРГ Р. Херцога и Ф.-В. Штайнмайера;

3) определение и сравнение адресатов Р. Херцога и Ф.-В. Штайнмайера в контексте современного им политического дискурса и конкретных речей;

4) выявление в составленном корпусе ориентированных на адресата лексических и синтаксических языковых средств, в т. ч. стилистических, с их последующей классификацией;

5) коммуникативно-прагматический анализ выделенных языковых средств.

Актуальность настоящей работы состоит в рассмотрении важной составляющей политического дискурса ФРГ – публичной речи федерального президента. Более того, одним из выбранных для исследования ораторов является нынешний федеральный президент Ф.-В. Штайнмайер, поэтому внимание во многом уделяется актуальному политическому дискурсу Германии. В этом отчасти заключается и новизна работы, поскольку в силу краткой временной дистанции он предоставляет многочисленный материал для лингвистического анализа. По той же причине малоизученны выступления Ф.-В. Штайнмайера. Наконец, новым можно считать сравнительный лингвопрагматический анализ речей двух федеральных президентов с фокусом на адресата.

Эмпирическим материалом для исследования послужили 24 речи: 12 речей Р. Херцога и 12 речей Ф.-В. Штайнмайера, произнесённые в периоды с августа 1994 по июнь 1998 гг. и с февраля 2017 по июнь 2020 гг. соответственно и опубликованные на официальном интернет-сайте федерального президента ФРГ. К используемым в работе методам относятся: метод корпусного анализа, метод сплошной выборки, индуктивно-дедуктивный метод, метод контекстуального анализа, метод классификации, метод обобщения, количественно-качественный метод.

Теоретическая база включает труды, исследующие или затрагивающие диалог и диалогичность, М. М. Бахтина, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского, К. А. Филиппова, К. А. Кияновой и М. Н. Кожинной. Проблема адресата представлена работами Н. Д. Арутюновой, И. Е. Езан, а также британского и немецкого исследователей Г. П. Грайса и Й. Кляйна. Предмет дискурса рассматривается на материале работ В. Е. Чернявской, О. Л. Михалёвой и

немецких лингвистов Х. Гирнта, Х. Кемпер и И. Х. Варнке. Наконец, языковые средства в политической публичной речи освещаются на основе исследований М. П. Брандес, Е. И. Шендельс, И. Е. Езан и немецких авторов А. Буркхарда, Х. Гирнта, Й. Кляйна, Т. Нира и Дж. Хайд.

Работа имеет следующую структуру. Первая глава состоит из трёх разделов; в первом разделе обобщаются положения об объекте исследования политической лингвистики; во втором разделе речь идёт о политическом дискурсе: три подраздела посвящены, соответственно, понятиям дискурса и политического дискурса, принципам функционирования последнего и модели многоуровневого лингводискурсивного анализа DIMEAN; наконец, в третьем разделе первой главы, состоящем из четырёх подразделов, обсуждается фактор адресата политической публичной речи: первый раздел раскрывает роль данного фактора в политической коммуникации в целом, во втором исследуется публичная речь как особая форма речевой деятельности, в третьем – речь федерального президента как её подвид, и в четвёртом – основные адресатонаправленные языковые средства в политической публичной речи. Вторая глава содержит анализ составленного корпуса текстов. Так, в первом разделе представлено краткое сопоставление изучаемых дискурсивных периодов; во втором разделе описан эмпирический материал, в третьем – общие результаты его анализа в виде статистики. Четвёртый раздел демонстрирует подробные результаты анализа лексических и синтаксических языковых средств, где каждому средству отведён соответствующий подраздел. В конце обеих глав подводятся итоги. За второй главой следует общее заключение по работе, а далее – список сокращений, источников эмпирического материала, научной и справочной литературы, а также приложение с таблицами, не вошедшими в текст работы.

ГЛАВА 1. ФАКТОР АДРЕСАТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Политическая лингвистика в научно-исследовательском пространстве

Изучением языка и его употребления в сфере общественно-политической коммуникации занимается раздел политической лингвистики – в немецком языке *Politolinguistik* [Girnth 2016: 7]. Впервые немецкий термин был использован А. Буркхардом [Burkhardt 1996], хотя вопросы функционирования языка в политическом контексте занимали лингвистов и до этого. В первую очередь политическая лингвистика фокусируется на прагматическом и семантическом аспектах, а также на анализе текста и дискурса. Для неё важно охватить все стороны политической коммуникации, однако центральными предметами её научного интереса выступают лексика и дискурсы [Girnth 2016: там же]. Важно при этом отметить, что политическая лингвистика исследует не исключительно речь и язык политиков или политических текстов (здесь мы говорим о *языке политики* – *Politiksprache*), но такие области, как *разговор о политике* и *политический язык СМИ* – *Sprechen über Politik* и *politische Mediensprache* [Burkhardt 1996: 81]. Последняя область играет особенно значительную роль для политической лингвистики, поскольку одной из основных задач СМИ является формирование общественного мнения – первоочерёдного фактора в политике [Niehr 2014: 15].

Исследователи политической лингвистики исходят из того, что язык играет роль главного инструмента-условия политических действий: с помощью языка они подготавливаются, узакониваются и приводят к желаемому результату. Именно язык делает возможным оценку, критику, аргументацию и самопрезентацию [Girnth 2016: 7-8].

Среди научных методов, применяемых в политической лингвистике для исследования различных сторон языка, необходимо выделить два особенно важных, в частности для настоящей работы, а именно корпусный

метод и метод дискурсивного анализа. Последний находится скорее уровнем выше лингвистического анализа [Niehr 2014: 63], поскольку его предметом выступает не сам язык, а воплощённые в нём события, явления, мнения – общественная дискуссия вокруг определённых проблем и вопросов; в то же время дискурсивный анализ уже неотделим от лингвистических исследований, поскольку дискурс – это контекст языка. Корпусный метод, в свою очередь, позволяет делать выводы о конкретных дискурсах благодаря возможности отбора тематически релевантных текстов и работы исключительно с ними [Niehr 2014: там же].

1.2. Политический дискурс как объект лингвистического исследования

1.2.1. Определения политического дискурса

Тексты создаются и существуют в рамках различных дискурсов. В случае политической публичной речи это политический дискурс. Однако прежде чем говорить о его особенностях, необходимо раскрыть понятия дискурса как такового. В. Е. Чернявская рассматривает дискурс в трёх аспектах: как «языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность»; как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом»; и наконец как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская 2006: 3, 76]. Из данных определений можно сделать вывод о широте и многосторонности понятия и собственно явления дискурса, что не в последнюю очередь делает его – и в частности политический дискурс – предметом научного интереса многих отечественных и зарубежных исследователей. Немецкий лингвист Х. Гирнт, в свою очередь, предлагает определение, перекликающееся с последним данным Чернявской: дискурс, по мнению Гирнта, есть «комплексная форма

языковых действий, складывающаяся из текстов на определённую тему» [Girnth 2016: 15]. Таким образом, можно сказать, что политический дискурс, – это, прежде всего, совокупность текстов, так или иначе связанных с вопросами политики, – именно так его понимает, например, Е. И. Шейгал [2004: 121]; близкая трактовка принадлежит голландскому исследователю Т. ван Дейку, для которого политический дискурс – это группа жанров, относящихся к политике как к одной из социальных сфер [Dijk, 2000: 86]. Возвращаясь к первым двум определениям Чернявской, можем добавить, что политический дискурс включает не только тексты или жанры/типы текстов, но и политико-социально-культурный контекст, в котором они возникают и существуют.

1.2.2. Принципы функционирования политического дискурса

О. Л. Михалёва называет три системообразующих признака, которые выделяют политический дискурс из ряда прочих дискурсов, а именно 1) цель коммуникации; 2) участники коммуникации; 3) тактики и стратегии коммуникации. Целью политической коммуникации является борьба за власть; побочные цели – информирование, стимулирование и побуждение – служат дополнительным средством в достижении основной. Главными участниками коммуникации выступают адресант (например, политик), прямой адресат (слушатель, соперник, скрытый соперник) и адресат-наблюдатель («народ»). К третьему коммуниканту чаще всего апеллирует адресант, поскольку именно его внимание и доверие являются целью любого политического коммуникативного акта [Михалёва 2004: 11-12].

Среди стратегий выделим одну наиболее релевантную для настоящей работы, а именно стратегию театральности, реализацию которой обуславливает наличие адресата-наблюдателя. Политическая коммуникация разыгрывается для него как представление. Важными в данной стратегии представляются тактики *побуждения*, *кооперации* (создание образа адресата-наблюдателя через апелляцию к его предполагаемым взглядам и ценностям), *размежевания* (выявление различий в позициях, разных точек зрения),

информирования (факты без оценки), *прогнозирования*, *предупреждения*, *иронизирования* [там же: 12-15].

Немецкая исследовательница Х. Кемпер описывает принципы функционирования политического дискурса следующим образом. В структуре дискурса, по её мнению, люди – действующие лица (Akteure) – играют определённые роли и занимают определённые позиции. Среди последних – позиции дискурсивных сообществ (Diskursgemeinschaften), элит (Eliten) и потребителей (Konsumenten). Сообщества формируют основу дискурса, в них входят активные действующие лица с разными точками зрения, опытом и восприятием, потому эти общества весьма неоднородны, а коммуникация происходит на горизонтальной авторитетной оси. Коммуникация с участием элит, напротив, существует в рамках вертикальной оси; дискурсивную элиту составляет авторитетное меньшинство, обладающее большим знанием, нежели дискурсивное сообщество. Наконец, в роли потребителей выступает наиболее пассивный коммуникант – адресат-наблюдатель, зритель и слушатель, на которого направлены сообщения сообществ и элит [Kämper 2017: 262-269]. Здесь можно провести параллель с принципом театральности, описанным Михалёвой. Таким образом, мы видим, что участники политического дискурса действительно ориентируются на адресата и что адресат является важнейшим звеном в его системе.

1.2.3. Модель многоуровневого лингводискурсивного анализа DIMEAN

Поскольку дискурс представляет собой крайне многоплановое и комплексное явление, его невозможно полностью исследовать исключительно с лингвистической точки зрения и исключительно с помощью инструментов лингвистики. Для такого исчерпывающего исследования дискурса требуется многоступенчатый анализ, который охватывает всевозможные аспекты явления. Одной из моделей такого

анализа является DIMEAN¹, представленная И. Х. Варнке и Й. Шпитцмюллером [Spitzmüller 2008]. Её преимуществами, помимо сложности, является то, что она позволяет избежать неконкретных результатов и чересчур обобщённого анализа [Warnke 2008b: 44-45].

Первым уровнем анализа согласно модели DIMEAN является *интертекстуальный уровень*. После начального этапа по составлению корпуса, базы релевантных текстов, следует этап, называемый первым чтением, – несистематический поиск семантических, грамматических, лексических, текстовых феноменов путём сплошной выборки. Далее результаты поиска распределяются по соответствующим подуровням. Так, к значимым для настоящей работы можно отнести подуровни *пропозиционально* и *словесно ориентированного анализа*. На первом подуровне речь идёт о значении предложений или их частей, он охватывает, среди прочих эмпирических классов, синтаксис и риторические фигуры, метафорические лексемы, речевые акты. На втором подуровне анализируются отдельные лексемы и словосочетания, например, имена, в т. ч. ключевые слова [там же: 44-46].

Если в первом случае анализу подвергаются тексты как таковые, то на следующем подуровне внимание уделяется действиям и действующим лицам, связывающим тексты с конкретным дискурсом. Этот уровень называется, соответственно, *уровнем действующих лиц*. Здесь следует выделить три подуровня: роли взаимодействия, позиция в дискурсе, коммуникативная среда. К первому относятся такие первостепенные для нашей работы категории, как адресант и/или автор и адресат. На втором рассматриваются, например, социальная стратификация и статус. Наконец, на третьем подуровне происходит анализ форм и сфер коммуникации, типов текста и пр. [там же: 47-50]

Последний уровень модели DIMEAN – *транстекстуальный*; проводимый на нём анализ ориентирован на присутствующие в текстах

¹ Сокр. от нем. Diskurslinguistische Mehr-Ebenen-Analyse.

элементы дискурса, среди которых интертекстуальность, историчность, топосы, социальные символы и др. [там же]. В нашей работе мы не занимаемся этим уровнем отдельно, а лишь касаемся некоторых его аспектов в ходе анализа первых двух. В связи с этим следует отметить, что модель DIMEAN не предполагает обязательного анализа всех без исключения уровней и подуровней; напротив, она обеспечивает исследователю широкие возможности выбора необходимых аспектов и их комбинации [там же: 47].

1.3. Роль фактора адресата в политической публичной речи

1.3.1. Ориентация на адресата в политической коммуникации

Для настоящей работы центральным понятием в области исследования политической коммуникации является фактор адресата. Это понятие можно объяснить следующим образом: при создании текста его автор, то есть адресант, учитывает характеристики слушателя/читателя, то есть адресата, непосредственно влияющие на содержание и форму создаваемого текста, для достижения успешного акта коммуникации. Именно учёт конкретных характеристик как адресата, так и самого адресанта служит причиной тому, что они рассматриваются не как «глобальные личности», а как «амплуа», представляющие собой набор значимых для процесса коммуникации качеств. Важно, что эти амплуа должны быть согласованы (например, в случае с неравными отношениями начальника и подчинённого или в уравнивающей ситуации, где участниками коммуникации являются друзья или соседи). Если согласование характеристик нарушается, этот также может привести к нарушению коммуникации [Арутюнова 1981: 357-358]. Кроме того, вся коммуникативная ситуация в целом, то есть условия, в которых происходит коммуникативный акт, имеет прямое влияние на успешность последнего [Богданов 1990: 36]. В немецкой лингвистике для обозначения прямой зависимости коммуникативного акта и, в частности, текста от адресата используются понятия *Adressatenbezogenheit* (соотнесённость с адресатом) и

Adressatenorientierung (ориентация на адресата) [Gronich 2019: 17, Bremer 2012: 684].

Текст нельзя рассматривать обособленно от адресата, поскольку последний является прямой целью перлокутивного эффекта – намеренного воздействия на чувства, эмоциональное состояние и когнитивные процессы; в случае диалога причиной также служат постоянная смена ролей в процессе общения («инвертированный адресат») и принадлежность диалога к области межличностных отношений [там же: 361-362]. В следующем разделе будет подробнее говориться о значимости понятия диалога для политической коммуникации.

Британский исследователь Г. П. Грайс формулирует свой принцип кооперации с точки зрения адресата. Ниже приведены его четыре максимы:

1) максима количества (Quantity) – сообщение должно быть настолько информативным, насколько этого требует его цель;

2) максима качества (Quality) – сообщение должно быть правдивым (а именно: адресант не должен утверждать то, что сам считает ложным, или то, что не может доказать);

3) максима релевантности (Relation) – сообщение должно соответствовать теме и адресату;

4) максима манеры (Manner) – сообщение должно быть изложено ясно, недвусмысленно, кратко и последовательно [Grice 1975: 45-46].

Очевидно, что перечисленные правила наполнения и оформления сообщения призваны служить наилучшему пониманию адресатом получаемой информации. Н. Д. Арутюнова подтверждает позицию Грайса, говоря, что фактор адресата определяет как социально-этикетную сторону создаваемого адресантом текста, так и его организацию [Арутюнова 1981: 358]. Как утверждает И. Е. Езан, значимость фактора адресата для собственно текста сообщения признаёт большинство современных исследователей [Езан 2013: 131].

Потенциал фактора адресата является одним из важных вопросов прагматики и теории речевых актов. Он также затрагивается психолингвистикой и психологией, поскольку тесно связан с проблемой функционирования механизмов речи. Каждая из дисциплин приводит свой взгляд на эту проблему. Так, например, теория речевых актов пользуется оппозицией «адресант – адресат»; в лингвистических исследованиях диалогической речи и в психологии применяется оппозиция «стимул – реакция», предметом которой выступают не коммуниканты, а скорее их поведение; наконец, в логико-философских теориях все сообщения изучаются обособленно, вне коммуникативного контекста, и роль адресата сводится исключительно к роли слушателя и интерпретатора [Арутюнова 1981: 359].

Для политической коммуникации фактор адресата является одним из решающих. Именно адресат, а не адресант, выступает здесь в качестве главного действующего лица, задавая тон всему тексту предназначенного для него сообщения. Необходимо отметить, что в рамках этого типа коммуникации речь чаще всего идёт о групповом или массовом адресате – как правило, гетерогенном; так, Й. Кляйн говорит о целом спектре адресатов [Klein 2016: 218]. Данный факт значительно усложняет задачу адресанта как автора текста. Это в высшей степени относится к публичному выступлению, поскольку для достижения поставленных целей (что напрямую влияет на политическую и другие сферы, а также на настроения в обществе) политик не может обойтись без тщательного изучения своей аудитории. Точно так же и текст обращения не может быть создан без учёта, по крайней мере, основных характеристик последней [Езан 2013: 129-136]. Для политика всегда важно решить: 1) в чём составляющие аудиторию группы согласны между собой; 2) о чём у них разные, но сопоставимые мнения (т. е. возможно их объединение); 3) где их мнения разнятся, но возможен компромисс; 4) где мнения противоположны и невозможен компромисс. От того, какие варианты преобладают, зависит консенсусный прогноз – благоприятный или

неблагоприятный (в Германии вопросы и темы с благоприятным прогнозом принято доверять федеральному президенту как главному представительскому лицу). Кроме того, приходится учитывать и различную вовлечённость групп в политическую коммуникацию [Klein 2016: 218-219]. Наконец, следует подчеркнуть, что, в отличие от классической риторической парадигмы, где адресант и адресат (исключительно говорящий и слушатель) находятся в одном месте в одно время, сегодня более существенная часть публики находится за пределами места и времени выступления. Это нарушает единство речи, её восприятия и реакции на неё. Современная политическая коммуникация гораздо более открыта благодаря разнообразию и техническим возможностям СМИ; при этом массовое восприятие происходит приватно, а не коллективно. Действия и всевозможные реакции адресата не ограничены другими слушателями или говорящим, поэтому адресат занимает главенствующее место в авторитетных отношениях адресант – адресат [там же: 229-230]. Интересно наблюдение Дж. Мейровица о псевдо-интимном эффекте такого восприятия: адресат ощущает себя «один на один» с политиком в собственном доме (это в первую очередь касается телевидения). Такое «близкое» присутствие стирает ареол недосягаемости политика, а вместе с ним пропадает также действие «больших жестов» [Meyrowitz 1990: 143ff].

Как сказано выше, разнообразные СМИ расширяют возможности политической коммуникации. Поэтому она всегда ориентирована на тип СМИ: печать, телевидение, интернет, – и в каждом случае будет иметь особый формат. Это также напрямую связано с ориентацией на адресата, поскольку аудитория каждого типа СМИ специфична и имеет определённые ожидания от того, что ей может предложить источник [Klein 2016: 38-39].

Адресат может рассматриваться как пассивный и как активный участник политической коммуникации [Езан 2013: 130-131]. В первом случае важную роль играет наличие в тексте сообщения имплицитной информации, служащей достижению иллюкутивного и перлокутивного эффекта путём

языкового манипулирования сознанием адресата. Под языковым манипулированием следует понимать «использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении, скрытого – значит неосознаваемого адресатом» [Борисова 1999: 145].

Существует три типа имплицитной информации: 1) эмоциональная; 2) ассоциативная; 3) культурный компонент. Эмоциональную имплицитную информацию можно контролировать путём подбора слов с нужной эмоциональной окраской. Контроль ассоциативной имплицитной информации представляется сложнее, потому что ассоциации разных социальных групп в составе аудитории могут отличаться (вплоть до противоположных). Наконец, культурный компонент, включающий специфические культурные ассоциации, может представлять особые трудности при наличии культурно и/или этнически неоднородной аудитории. Причиной подобных трудностей в обращении с имплицитной информацией является то, что она может быть как желательной, так и нежелательной для автора текста. Иными словами, автор осознаёт эту информацию только тогда, когда намеренно вкладывает её в свой текст; в обратном случае она вовсе не осознаётся автором – и может противоречить его целям. Это происходит в связи с большим количеством потенциальных источников имплицитной информации, не все из которых автор может принять во внимание. Ещё один крайне важный для политической коммуникации аспект имплицитной информации – возможность противоречащих истине выводов. Адресат может понять сказанное/написанное не так, как это подразумевалось адресантом. Такую информацию нельзя считать ложной, поскольку она не имеет эксплицитного выражения [там же: 146-151].

Большее число исследователей, однако, разделяет взгляд на адресата как на полноценного собеседника, который активно воспринимает информацию и реагирует на отношение к себе адресанта и его заинтересованность. Так, в 1994 Ст. Левинсоном разработаны нормы ведения

беседы, перекликающиеся с максимами Грайса. Схожую позицию относительно адресата выражают, например, Т. Г. Винокур (1993) и Е. Г. Желудкова (2004) [Езан 2013: 131]. Такое отношение к адресату, по нашему мнению, крайне релевантно для политической коммуникации, особенно в демократических государствах, каким является современная ФРГ, поскольку оно отражает активную гражданскую роль адресата.

1.3.2. Публичная речь как форма речевой деятельности

В этом разделе мы подробно рассмотрим один из особенно важных в политической коммуникации типов текста, а именно публичную речь. Это «связный поток устной речи, подготовленный для произнесения перед публикой по политическому поводу и имеющий конкретную цель» [Charteris-Black 2018: xiii]. Под публичной речью можно также понимать «риторическую деятельность, в ходе которой оратор и аудитория вступают в сложное взаимодействие, обусловленное требованиями этоса» [Алёшина 2016: 52]. Приведённое определение акцентирует внимание на принадлежности данной формы речевой деятельности к древнему искусству риторики, что означает также следование его законам и использование его приёмов.

В связи с этим требуется подробнее остановиться на понятии этоса. Х. Гирнт лаконично определяет его как «авторитетность оратора» (Glaubwürdigkeit des Orators) [Girnth 2019: 109]. Иными словами, это риторическая категория, включающая личностные характеристики и идеологические ориентиры оратора, которые важны для аудитории и соотносятся с её идеологическими ориентирами [Алёшина 2016: 52]. Категория этоса неотделима от двух других категорий – логоса и пафоса. Логос представляет собой пропозициональное содержание, пафос – эмоциональное воззвание, призыв [Girnth 2019: 109]. Если первый определяет структуру аргументации публичной речи, то последний – её экспрессивные характеристики [Алёшина 2016: 52]. Эти три категории выделены и описаны ещё Аристотелем [2000: 9]. К каждой из них относится

набор определённых персуазивных приёмов и речевых практик, способствующих убеждению слушателя. Именно персуазивность является прагматической доминантой для большинства видов политической коммуникации (в том числе и для публичного выступления), обуславливая, среди прочего, выбор лексики и организацию текста [Klein 2016: 20].

Тексты публичных речей, как правило, подготавливаются не самими политиками, а спичрайтерами – по крайней мере, частично. Создавая текст, спичрайтер, однако, не участвует в коммуникации политика и его аудитории, и его личность никаким образом не должна отражаться в тексте. Напротив, написанная им речь должна «соответствовать», «подходить» политику и его образу, который сложился (или должен сложиться) у адресата. Это требует определённых личностных качеств, а именно готовности к работе вне собственного восприятия, убеждений и амбиций, а также чуткости и умения «вчувствоваться» в стиль мышления и разговора политика – не говоря уже о таких первостепенных навыках, как безупречное владение языком и основательные познания в области политики. Спичрайтер успешен в том случае, если оратор способен хорошо выступить с его текстом. Разумеется, большую роль играет и умение оратора убедительно преподнести написанное как свои собственные мысли, а в идеале – выйти за рамки предложенной рукописи и с помощью импровизации улучшить речь и увеличить её драматизм [Hesse 2000: 48].

Как следует из предыдущего абзаца, в подавляющем большинстве случаев публичная речь, произносимая оратором, имеет в качестве основы заранее проработанный и подготовленный письменный текст [Киянова 2004: 235]. В дальнейшем она может существовать в различных формах: как аудио- или видеозапись, текст в интернете или печатном издании. Это значительно расширяет круг возможных адресатов и делает его, по причине отсутствия каких-либо временных рамок, потенциально неограниченным. В связи с темой адресата стоит сразу же коснуться значимых для публичной речи характеристик последнего. И.Е. Езан выделяет среди них следующие: объём

аудитории, её социальный и демографический состав, статус и роль участников конкретной коммуникативной ситуации, нормы социальной кооперации, материальное положение, нужды, интересы и настроения аудитории [Езан 2013: 135].

Для публичной речи характерно оформление в виде монолога. При этом она подразумевает имплицитную двустороннюю связь адресанта и адресата, от налаживания которой зависит успех выступления. То есть, во время произнесения монологической по форме речи происходит внутренний диалог, что в лингвистике называется *диалогизированным монологом* [Киянова 2004: 235], который представляет собой «намеренное наделение монологической речи чертами диалога» и экспликацию «речевого взаимодействия коммуникантов во время монологического речевого общения» [Матвеева 2010: 89-90].

Итак, можно говорить о том, что публичной речи присуща *категория диалогичности*. Особенно важной представляется здесь концепция текста как рубежа двух сознаний М. М. Бахтина [1979: 290]. Адресант прогнозирует возможные реакции адресата (для чего и необходим предварительный анализ его характеристик); адресат, в свою очередь, моделирует при восприятии и интерпретации текста поставленные адресантом цели [Езан 2013: 132]. Можно предположить, что диалогичность свойственна любому тексту вообще. Некоторые лингвисты рассматривают её как естественное свойство, вытекающее из социальной природы языка. Так, классики российской лингвистики Л. В. Щерба и Л. П. Якубинский признавали первичность диалога перед монологом и некоторую искусственность последнего. По мнению Щербы, язык может найти «полное своё бытие» только в диалогической речи [Щерба 1915: 4], а любое речевое действие вне зависимости от формы, по убеждению Якубинского, подталкивает к ответной реакции [Якубинский 1923: 133-134]. Подход двух классиков в своей работе подробно излагает К. А. Филиппов [2003: 206-207] Схожее мнение разделяет также исследовательница конца 20-го века М. Н. Кожина. Обоснование

диалогичности речи исследовательница усматривает в диалогичности человеческого мышления, обусловленной социальностью человека [Кожина М. Н. 1981: 78]. Продолжая говорить о политической публичной речи, мы перейдем к одной из её разновидностей – речи федерального президента.

1.3.3. Речь федерального президента как подтип политической публичной речи

Речь федерального президента ФРГ можно выделить в отдельный подтип политической публичной речи. Выступления федерального президента существуют «сами по себе», не ставя никакого другого действия (например, победы на выборах) в качестве своей цели. Федеральный президент не участвует в дебатах, ему не нужно выстраивать стратегию защиты и аргументацию против ораторов-соперников, поскольку он, выступая один, их не имеет. Самореклама в этом подтипе политической речи выражается максимально косвенно, прямое выражение конкуренции тоже является табу. Цель в данном случае – привести людей от готовности слушать к общности [Schröter 2006a: 49-50]. Федеральный президент выполняет функцию представительского лица – как всей страны, так и своей партии; это определяет специфические ролевые ожидания от его публичных выступлений и коммуникативные требования к ним: так, речь федерального президента будет отличаться от речи федерального канцлера [Klein 2016: 216].

Неоднозначно дело обстоит с партийной принадлежностью федерального президента. Для партийных политиков действует общее правило: не говорить то, что может навредить партии. Следование этому правилу существенно влияет как на структуру высказываний политиков, так и на ожидания и оценку адресата. Кроме того, нормой считается (ожидается) разделение и выражение ими официального мнения партии [там же]. Однако представительская роль федерального президента – надпартийная и предполагает, что он не выступает от лица какой-либо партии. Это

доказывает наш анализ: в речах корпуса нет ни одного упоминания партий ХДС и СДПГ. Однако оба президента активно используют в своих выступлениях партийную лексику, тем самым косвенно представляя в них свою партию.

Высокий представительский пост предоставляет федеральному президенту определённую речевую сферу, ему в основном доверяют специфические типы речей, а именно праздничные и памятные речи, относящиеся к классическим эпидейктическим, ориентированным на единение и согласие речам [Schröter 2006b: 47-48]. Необходимо назвать и такие типы президентских речей, как церемониальная, утешительная, хвалебная, речь в честь чемпиона/победителя. Все они равным образом являются эпидейктическими и имеют целью выражение общих ценностей соответствующих групп (включая самого президента). Наконец, нельзя оставить без упоминания важнейший тип – инаугурационную речь, произносимую при вступлении в должность [Reisigl 2008: 246]. Это ритуализированный политический речевой акт; в то время как вышеперечисленные типы речей поддерживают единение адресата на идейной основе, инаугурационная речь формирует эту основу, артикулируя преобладающие в обществе ценности и формулируя основные аспекты идеологии [Гаврилова 2013: 115-116].

1.3.4. Ориентированные на адресата языковые средства в политической публичной речи

Вернёмся к типологическим особенностям политической публичной речи, а именно к её языковым адресатонаправленным приёмам. Среди прочих нужно выделить метафоры, ключевые слова, местоимение *wir* («мы»), оценочные существительные и прилагательные. Не менее важную роль среди языковых приёмов играют лексические риторические фигуры (помимо метафоры) и экспрессивный синтаксис. Ниже будут рассмотрены некоторые из перечисленных средств.

Одно из центральных в политической лингвистике понятий – ключевое слово. Относительно немецкого языка это понятие рассматривают, в частности, М. Венгелер [2017], В. Дикманн [1975], Й. Кляйн [2005], С. Ляйтнер [2004], Т. Нир [2007], Д. Фельдбик [2003], М. Шрётер и Б. Кариус [2009], а также российские исследовательницы И. Е. Езан [2018, 2020] и Я. А. Нестерова [2006]. Т. Нир определяет ключевое слово как актуальное в конкретный период слово/выражение, которое способствует популяризации программ и целевых установок определённых политических сил в обществе [Niehr 2007: 496]. Немецкие исследователи пока не пришли к терминологическому единству касательно понятия ключевого слова. Так, приведённое определение дано Ниром к понятию *Schlagwort* – «ударное», лозунговое слово; наряду с ним существуют также *Fahnenwort* – слово-знамя, *Symbolwort* – слово-символ, *Hochwertwort* – слово-обозначение положительной ценности, *Unwertwort* – наоборот, слово-антиценность, *brisantes Wort* – «взрывчатое», актуальное слово, *kontroverser Begriff* – противоречивое понятие и, собственно, *Schlüsselwort* – ключевое слово. Каждая из приведённых категорий слов/выражений имеет свою специфическую коннотацию, различное прагматическое направление и потенциал [Езан 2018: 99]. Немецкий лингвист Д. Фельбик разграничивает два самые частотные термина [Езан 2020: 2] – *Schlüsselwort* и *Schlagwort* – с точки зрения временной перспективы. По его мнению, первый термин является диахроническим маркером и важен для анализа политических дискурсов в определённые исторические периоды, тогда как второй маркирует синхронию, имея большое значение для конкретной политической силы в конкретный период и будучи связанным с конкретными событиями и действиями, а также реакциями на них [Felbick 2003: 27]. В настоящей работе будет использоваться обобщённое понятие «ключевое слово», включающее все перечисленные разновидности политической лексики. Из выполняемых ключевыми словами функций нужно отметить экспрессивную, указательную и оценочную. Первая функция обусловлена высокой эмоциональной и

понятийной нагруженностью ключевых слов и заключается в воздействии на чувства адресата; следующая функция состоит в упрощении сложных положений вещей «до простой формулы», их интерпретации и выделении отдельных аспектов; наконец, интерпретация не обходится без оценки, т. е. третьей функции ключевых слов. Вторая и третья функции взаимосвязаны и выполняются одновременно, что удваивает прагматическое действие ключевых слов и делает их весьма эффективным риторическим средством [Нестерова 2006: 47-49]. В. Дикманн, немецкий лингвист, говорит о том, что ключевые слова превращают относительное в абсолютное, а сложное в типичное, не нуждаясь при этом в уточняющем контексте или даже сопротивляясь ему с помощью ориентации на эмоции публики [Dieckmann 1975: 103]. При рассмотрении ключевых слов также выделяют, например, суггестивную функцию – воздействие на сознание, действия и принятие решений; каждое ключевое слово переключает внимание адресата на определённый дискурс и, соответственно, активизирует в его сознании необходимые для его расшифровки фоновые знания. [Езан 2020: 3]. Что касается характеристик ключевых слов, то это, в первую очередь, прагматический потенциал и дискурсивный характер. Слово/выражение может перейти в разряд ключевых только тогда, когда оно активно используется в политическом дискурсе [Езан 2018: 100]. Ключевые слова нередко становятся предметом семантической борьбы [Wengeler 2017: 29]. Она имеет два возможных направления: конкуренция разных обозначений одного и того же явления либо конкуренция нескольких значений одного слова/выражения [Нёрске 2007: 428]. Примерами ключевых слов могут быть фигурирующие в сегодняшнем политическом дискурсе Германии понятия *демократии* (*Demokratie*), *свободы* (*Freiheit*), *ответственности* (*Verantwortung*) или негативно коннотированные расизм (*Rassismus*) и сексизм (*Sexismus*).

Следующее языковое средство – метафора. Метафоричность есть не просто украшение языка, она присуща человеческому мышлению,

восприятию и общению. Метафора являются одним из главных инструментов языка политики именно благодаря своей «природной» вездесущности [Niehr 2014: 144-145], а также размытости значения и, следовательно, широкой адресованности. Метафоры выполняют сразу несколько функций: 1. убеждение (персуазивная функция); 2. раскрытие новых, модифицированных значений; 3. уплотнение аргументации; 4. привлечение внимания (к ним следует добавить функцию упрощения сложных политических феноменов и обстоятельств и крайне важную оценочную функцию [Girnth 2016: 11]). Помимо перечисленных, метафоры служат для выполнения специфических функций, зависящих от конкретного дискурса, который также определяет их значение. Метафоры, в свою очередь, структурируют эти дискурсы, отражают в них культурную и социальную сферы. Отметим и то, что центральную роль в создании и употреблении метафор играют ситуативные и контекстуальные аспекты политической коммуникации (повод выступления, цели политика, настроения публики). Метафоры, как и ключевые слова, могут становиться предметом семантического соперничества. Такое соперничество может иметь место, например, между политическими партиями – как часть борьбы за избирателей [Езан 2020: 10]; также они способны переходить в разряд ключевых слов. Среди наиболее распространённых разновидностей политической метафорики выделяют следующие: *путь, война (борьба), природные катаклизмы, здание/стройка, производство, товары* [Spieß 2017: 100-106]. Со времён античности известны также метафорика *корабля, организма, человека (юридического лица)* [Klein 2016: 27].

Особую роль в политической коммуникации играет местоимение *мы*; в её рамках мы говорим о *политическом мы (das politische Wir)*. Две его основные задачи – объединение и разделение. Что касается первой задачи, правильнее говорить о создании у адресата чувства принадлежности к группе [Haid 2018: 179]. Если подробно описывать вторую задачу, она состоит в определении границ той или иной группы и исключении из неё

определённых людей в зависимости от ситуации и цели употребления местоимения. Исследователи выделяют различные виды местоимения *мы*. Например, очень подробно его описывает немецкий германист А. Буркхардт. Среди прочих он называет антропологическое, национальное, коллективное, конфронтативное, интегративное и трансисторическое *мы* [Burkhardt 2003: 411f], которые могут быть особенно эффективны в политической коммуникации. В настоящей работе мы будем опираться на классификацию немецкой исследовательницы языка политики Дж. Хайд, основанную в том числе и на трудах Буркхарда. Среди выделяемых ею одиннадцати видов употребления *мы* для нас наиболее важны абстрактные – метафорически-экстенсивное и генерализующее *мы* (*das metaphorisch-extensive und das generalisierende Wir*). Первая разновидность (для краткости метафорическое *мы* – *МЫ_{мет}*) обозначает не конкретную, а символическую группу (например, нацию). За таким *мы* стоит не какой-либо общий признак, а чувство принадлежности и социальный концепт. «Я» говорящего, относящего себя к группе, остаётся при этом неактивным – метафорическим. Вторая же разновидность (*МЫ_{ген}*), напротив, обозначает группу, выделенную по какому-либо признаку; кроме того, «Я» говорящего в активно благодаря наличию у последнего интеграционного признака. Эти разновидности, однако, часто граничат между собой и трудно различимы [Haid 2018: 194]. В целом встречаются случаи употребления, где семантика местоимения размыта, и нельзя точно сказать, кого именно оно включает [там же: 180]. Во второй главе работы будет также рассмотрены некоторые прочие разновидности употребления *мы*.

Вернёмся к прагматике политического *мы*. Чувство принадлежности достигается путём призыва к адресату (т. е. выполняется апелляционная функция); от себя добавим, что этот призыв затрагивает сферу логоса, этоса или пафоса. Разделение, в свою очередь, помогает достичь контраста между группами и их характеристиками в сознании адресата. Названные абстрактные разновидности *мы* выполняют именно данные функции, а

потому преобладают в политических публичных речах. Стоит упомянуть также следующие свойства политического *мы*: во-первых, с его помощью оратор присваивает адресату собственные интересы («наши интересы»), тем самым завоёвывая его доверие; во-вторых, чувство принадлежности способно эмоционально влиять и на самого оратора [там же: 196-206]. Можно предположить, что этот факт может равным образом служить росту доверия адресата к политику; чувствуя то же, что и публика, он с большей лёгкостью и убедительностью сможет показать своё единство с ней.

Перейдём к категории оценки в политической публичной речи. Оценку можно определить как «отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности, с точки зрения соответствия его качеств определённым ценностным критериям» [Яковлева 2006: 6]. Данная категория выражается в оценочной ситуации (т. е. такой, где человек выражает отношение к каким-либо элементам действительности) и выполняет в тексте, соответственно, функцию выражения отношения к действительности, однако в этом случае непосредственно связанную с функциями привлечения внимания и воздействия. Поэтому в оценочных высказываниях более, чем в других, выражен прагматический аспект. Оценочные ситуации включают обязательные и факультативные компоненты; обязательными в политической публичной речи выступают субъект и объект оценки, её содержание и основание, а также адресат. Категория оценки сосуществует в тесной связи с категориями эмоциональности и экспрессивности, однако при этом является самостоятельной и не зависит от них. Что касается классификации оценок, она может строиться по таким признакам, как, например, способ оценивания (абсолютная и сравнительная) или основание (рациональная и эмоциональная) [там же: 6-7]. В числе наиболее распространённых лексических форм оценки – имена существительные и прилагательные [Waliszewska 2016: 92-95], следовательно, именно они являются предметом нашего анализа. Здесь следует выделить две группы лексических единиц, а

именно те, которые изначально несут в себе оценочное значение (*зло, счастье*), и те, которые приобретают его в контексте речи [Яковлева 2006: 15]. Важно отметить и то, что оценочную функцию равным образом могут выполнять ключевые слова, метафоры и прочие риторические фигуры (часто существительные и прилагательные), что будет наглядно продемонстрировано во второй главе работы.

Что касается прочих лексических фигур и экспрессивного синтаксиса, из числа первых наиболее частотными в политической коммуникации является антитеза, из числа последних – синтаксический параллелизм, риторический вопрос, инверсия и анафора [Михалёва 2004: 11-15]. Стоит добавить к этому списку повтор отдельных слов и различные виды синтаксической связи (напр. асиндетон, полисиндетон) [Habscheid 2009: 37-38]. Во второй главе в ходе анализа будут кратко изложены основные прагматические задачи приёмов, характерных для текстов составленного нами корпуса.

Выводы по Главе 1

В первой главе работы мы рассмотрели основные теоретические положения касательно фактора адресата в политической коммуникации и публичной речи. Прежде всего, мы затронули объект исследования такого направления в лингвистике, как политическая лингвистика, а именно язык как основной инструмент политики. Далее нами был изучен феномен политического дискурса; были приведены определения дискурса как такового и политического дискурса в частности; также были описаны детерминирующие признаки данного дискурса и принципы его функционирования; в числе первых оказались цель коммуникации, а именно борьба за власть; участники коммуникации, т. е. адресант, прямой адресат и адресат-наблюдатель; тактики и стратегии коммуникации, среди которых для нас была релевантна тактика театральности, направленная на адресата-наблюдателя; важными явились также элементы структуры дискурса, а именно дискурсивные сообщества, элиты и потребители, представляющие

собой набор определённых позиций, и их взаимосвязь между собой. В дискуссии о политическом дискурсе мы уделили внимание модели многоуровневого лингводискурсивного анализа DIMEAN. Нами были изложены этапы корпусного анализа в соответствии с этой моделью и дана характеристика его уровней: интертекстуального, уровня действующих лиц, транстекстуального – и подуровней. Как значимые для нашей работы были выделены первые два уровня. Затем мы рассмотрели один из основных принципов политической коммуникации, а именно ориентацию на адресата. Был подробно изучен вопрос роли фактора адресата в рамках данного вида общения; выяснилось, что от характеристик адресата напрямую зависит языковое оформление выступления и само его содержание, а также то, что учёт этих характеристик и, кроме того, условий общения определяет успешность коммуникативного акта и достижение прагматических целей говорящего. Следующим пунктом теоретического анализа была политическая публичная речь, в частности, её взаимосвязь с риторикой и риторические категории логоса, этоса и пафоса; нюансы создания текстов речей спичрайтерами; носители, на которых существуют тексты речей, а также первостепенные для учёта характеристики аудитории. Наконец, как важнейшая составляющая ориентации на адресата была исследована присущая политической публичной речи категория диалогичности, то есть имплицитная двусторонняя связь адресанта и адресата. Как о разновидности политической публичной речи мы отдельно сказали о речи федерального президента. Мы пришли к выводу, что эта политическая роль – лицо государства – предполагает специфический спектр поводов и тем; так, среди типичных для федерального президента мы отметили эпидейктические праздничные, памятные, церемониальные, хвалебные и утешительные речи, а также ритуализированную инаугурационную речь. Последний подраздел главы был посвящён нацеленным на адресата языковым средствам политической публичной речи, среди которых детально были рассмотрены метафоры и ключевые слова, местоимение «мы».

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА АДРЕСАТА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПУБЛИЧНЫХ РЕЧАХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПРЕЗИДЕНТОВ ФРГ

2.1. Анализ политического дискурса Германии в периоды президентства Р. Херцога и Ф.-В. Штайнмайера

Как правило, политическая коммуникация осуществляется в определённом культурно-историческом контексте и имеет национальный характер, составляя важную часть национального дискурса. Следовательно, изменения в социальной и политической жизни общества, например, новый политический курс, трансформируют национальный и отдельные дискурсы [Юдина 2010: 10]. В настоящем разделе на основе составленного корпуса публичных речей будет проведён анализ политического дискурса Германии двух исследуемых нами периодов, а именно с 1994 по 1999 гг. (Р. Херцог) и с 2017 г. по настоящее время (Ф.-В. Штайнмайер).

Для дискурса первого периода одним из наиболее значимых событий в общественно-политической, финансовой и культурной сферах по-прежнему остаётся мирная революция 1989-1990 гг. (*die Wende*): объединение Восточной и Западной Германии и падение Берлинской стены. Среди финансовых последствий этого переломного исторического момента, – потеря многими гражданами рабочих мест и возросший уровень безработицы. Кроме того, до сих пор не решены проблемы социальной и культурной интеграции Восточной Германии; культурные и экономические различия между землями двух блоков осложняют процесс воссоединения, во многом – в сознании самих жителей Германии. Большую значимость имеет направление общественно-политического дискурса, посвящённого анализу эпохи разделения ГДР и ФРГ в целом; этот вопрос – один из наиболее болезненных для Германии 90-х годов. Другим таким вопросом является национал-социалистическое прошлое страны и его результаты. В качестве одного из ключевых здесь выступает понятие ответственности (*Verantwortung*), под которым подразумевается ответственность Германии за

недопущение подобных сценариев в развитии собственного и общеевропейского общества. Что касается международной политики, на повестке дня – вхождение новых стран в Европейский союз и его дальнейшее развитие (так, маркером дискурса ХДС, партии Р. Херцога, служит выражение *Einheit in Vielfalt* ‘единство в многообразии’ [Езан 2020: 11]). Также обсуждается налаживание связей на международном уровне, в первую очередь с теми государствами, с которыми они были нарушены в силу исторических причин (в нашем корпусе это, например, Израиль и Россия), и открытость Германии к культурному обмену.

Для сегодняшнего политического дискурса Германии по-прежнему актуальна проблема национально-исторического само- и восприятия в контексте дискуссии о периоде националистического режима и событиях второй мировой войны. Можно говорить о существовании политико-исторического дискурса, предметом которого являются, в том числе, насущные проблемы страны и Европейского Союза, такие как расизм, антисемитизм и дискриминация. Так, отдельные речи Ф.-В. Штайнмайера посвящены вопросам развития и безопасности еврейских общин в сегодняшней Германии. До сих пор крайне актуальны понятие исторической ответственности и дискуссия о роли Германии в сохранении культурной памяти о периоде национал-социализма и второй мировой войны, а кроме того – защите демократических ценностей и свобод. Следующий важный аспект общественно-политической дискуссии – роль Германии в вопросах европейской и международной интеграции. Речи федерального президента на международных мероприятиях и во время встреч с представителями других государств затрагивают перспективы сотрудничества и укрепления связей в различных сферах, что может говорить о тенденциях внешней политики. Как уже было сказано, общественное внимание уделяется таким проблемам, как дискриминация и расизм; кроме того, не теряют своей актуальности вопросы положения женщин в обществе. Данные темы обсуждаются в рамках дискуссии о необходимости равенства, политического и культурного диалога

(также одно из ключевых понятий), терпимости и взаимопонимания в многонациональном, многоконфессиональном демократическом обществе. Наконец, первостепенным вопросом для национального политического дискурса последнего года является пандемия коронавируса, в частности, вызванные ею острые социальные и финансовые проблемы. Многие стороны общественной и политической жизни Германии освещаются именно в этом контексте.

2.2. Описание эмпирического материала

Для настоящей работы был составлен корпус из 24 речей: 12 речей Р. Херцога и 12 речей Ф.-В. Штайнмайера за периоды с августа 1994 по июнь 1998 гг. и с февраля 2017 по июнь 2020 гг. соответственно. Полные тексты речей опубликованы на официальном сайте федерального президента ФРГ.

Р. Херцог и Ф.-В. Штайнмайер были выбраны в качестве адресантов как представители различных периодов, а также различных партий (ХДС и СДПГ соотв.), поскольку это делает возможным более наглядное сравнение их адресатов. Главными критериями отбора текстов послужили актуальность проблематики выступления и разнообразие аудитории. Для обеих подгрупп корпуса было выбрано одинаковое количество речей, посвящённых внутри- и внешнеполитическим вопросам и обращённым, таким образом, к гражданам Германии либо к представителям других стран. При отборе важным было включить в корпус речи различного типа, по различным поводам и с различной тематикой, чтобы не останавливаться лишь на одной теме, дискурсе и, следовательно, аудитории; цель в данном случае – продемонстрировать разнообразие целевых групп и провести более точное сравнение возможных категорий адресата. Кроме того, для анализа были отобраны речи разных годов, чтобы как можно шире охватить соответствующий дискурс и постоянно возникающие в нём новые проблемы и темы. Что касается последних, их мы уже коснулись в предыдущем разделе.

Адресатами речей, как уже сказано, выступают граждане ФРГ или других государств. Важно при этом различать прямого (присутствующего при коммуникативном акте) и опосредованного, потенциального адресата. Первый в нашем случае есть не всегда; так, например, рождественские обращения обоих президентов имеют только опосредованную публику, наблюдающую выступления через СМИ. Интересно также телевизионное обращение Ф.-В. Штайнмайера о коронавирусе от 11.04.20. Она, как и рождественская речь, предназначена исключительно для опосредованного адресата, что обусловлено, однако, не только объёмом и гетерогенностью последнего (все граждане страны), но и сложившимися чрезвычайными обстоятельствами, а именно временной невозможностью публичных встреч. Большинство речей всё же имеет обе группы адресатов, поскольку произносятся на конференциях, международных или памятных собраниях, как, например, речь Р. Херцога на встрече с румынскими немцами в Германштадте (Сибю) (17.05.95) или речь Штайнмайера на приёме Немецкого женского совета (06.03.20). Размер аудитории также разнится в зависимости от конкретного мероприятия.

2.3. Общий статистический обзор результатов анализа материала

Анализ эмпирического материала проводится в соответствии с моделью DIMEAN; первым этапом является выделение интересующих нас языковых средств методов сплошной выборки; второй этап заключается в систематизации результатов, отборе релевантных для работы языковых средств и распределении их по уровням DIMEAN; наконец, на третьем этапе проводится подробный анализ отобранных языковых средств. При том, что все они относятся к интертекстуальному уровню модели DIMEAN, мы рассматриваем их в тесной связи с уровнем действующих лиц.

Исследуемые языковые средства, включая стилистические, в настоящей главе подразделяются на лексические и синтаксические. Лексические средства представлены местоимением *мы* в объединяющей

функций², ключевыми словами, оценочными существительными и прилагательными, параллельными гендерными обозначениями, а также риторическими фигурами: метафорой и антитезой. Среди синтаксических средств – перечисления, грамматический параллелизм, короткие предложения, риторические восклицания и вопросы. Ниже приведены таблицы со статистическими данными по каждому из названных средств:

Таб. 1. Статистика языковых средств

	Ф.-В. ШТАЙНМАЙЕР	Р. ХЕРЦОГ
ЛЕКСИКА:		
метафорическое местоимение <i>мы</i>	305	301
ключевые слова	323	217
оценочные существит. и прилагат.	115	122
метафоры	104	117
антитезы	45	62
параллельные формы	17	–
СИНТАКСИС:		
перечисления	83	109
грамматический параллелизм	83	89
риторические восклицания	79	18
короткие предложения	59	21
риторические вопросы	26	14

2.4. Анализ лексических средств

2.4.1. Местоимение «мы»

Представляется необходимым начать анализ с местоимения *мы* как с одного из наиболее значимых и самого распространённого в нашем корпусе лексического средства. Сразу заметим, что наравне с личным местоимением в настоящей работе рассматривается притяжательное местоимение *наш*. Как и предполагалось, в подавляющем большинстве случаев речь идёт об абстрактных метафорических местоимениях, относящихся к нации (Штайнмайер: 305 из 370; Херцог: 301 из 335). Случаи прочих разновидностей употребления далеко не так многочисленны (см. Таб. 2 и Таб. 3 в Приложении).

² Подробнее об объединяющем, или *метафорическом* местоимении *мы* см. стр. 25-26.

Такое преобладание и высокая концентрация местоимений, подразумевающих нацию/страну в целом, соответствует представительской роли федерального президента и его высокому статусу. Ниже приведены некоторые примеры с метафорическим *мы*:

(1) „Also: Trauen **wir** uns doch! Und vertrauen **wir** diesem Land! Es ist **unser** Land, es ist **unsere** Demokratie.“ [Ш-РЖДВ] (2) „Es ist die Aufgabe von Politik, Polizei und Justiz, Frauen zu schützen. Und es ist zugleich **unsere** gemeinsame Aufgabe: **Wir alle**, Frauen und Männer, dürfen nicht wegschauen oder weghören, **wir** müssen laut und deutlich widersprechen, wann und wo auch immer Sexismus gegen Frauen sich im Alltag breit macht.“ (Ш-ЖС)

В Примере (1) из рождественского обращения Ф.-В. Штайнмайера присутствует эксплицитный эмоциональный призыв (категория пафоса) ко всему населению ФРГ, который выражается в императивных формах («Давайте же доверимся себе! Давайте доверимся этой стране!»). Оратор также усиливает чувство общности адресата за счёт метафорического притяжательного местоимения, подчёркивающего принадлежность каждого представителя аудитории к немецкому обществу и демократии («Это наша страна, это наша демократия»). В данной речи мы наблюдаем случай, когда политик сталкивается с максимально широким адресатом во внутренней политике, а потому количество метафорических местоимений здесь довольно большое (30). Больше количество обнаруживается только в инаугурационной речи (Ш-ИНГ) и телевизионном обращении о коронавирусе (Ш-КРН), которые равным образом адресованы всему населению, а также в речи, посвящённой 75-летию окончания Второй мировой войны (Ш-ВМВ).

В Примере (2) из речи перед Женским советом Германии предельно возможную инклюзивность местоимения *мы* подчёркивает местоимение *все* (alle) и конкретизирующее приложение *женщины и мужчины* (Frauen und Männer). Здесь очевиден моральный этический призыв (категория этоса), проявляющийся в модальных глаголах *dürfen* и *müssen* («нам нельзя», «мы

должны») и потенциально обращённый к обществу в целом (потенциально потому, что данная речь не предполагает всё население в качестве адресата, как новогоднее обращение). Этический призыв с помощью *МЫмет* позволяет политику сделать свою точку зрения точкой зрения адресата (см. стр. 26).

Конкретные, т. е. обозначающую оратора и определённого человека или группу, разновидности местоимений *мы* и *наш* представлены в речах обоих политиков лишь редкими случаями. Как правило, они используются в тех речах, которые в качестве прямого адресата имеют не просто публику в зале, а конкретную личность или группу (например, делегатов или представителей сообществ).

Если говорить об общем количестве метафорических местоимений *мы* и *наш*, мы исходили из предположения, что в речах Ф.-В. Штайнмайера оно будет больше. В ситуации с «адресатом-народом» последний может быть более гетерогенным именно у нынешнего президента, что не в последнюю очередь обусловлено т.н. европейским миграционным кризисом, длящимся с 2015-го года. Однако результаты анализа показали обратное: число метафорических местоимений у обоих президентов практически одинаково. Это может свидетельствовать о том, что даже в разные периоды языковые средства, предназначенные для определённого типа адресата (в данном случае – «народа») остаются прежними и что их количественная сторона не зависит или мало зависит от степени разнородности адресата. Иными словами, для достижения коммуникативных целей всегда может хватить определённого количества данных средств.

2.4.2. Ключевые слова

Следующим пунктом анализа являются ключевые слова. В корпусе они также имеют крайне высокую частотность: число отдельных лексем в речах Ф.-В. Штайнмайера и Р. Херцога – 171 и 113 соответственно, общее число употреблений – 323 и 217. Ключевые слова распределяются по четырём группам: 1) общие для политического дискурса; 2) общие для отдельного дискурса; 3) партийные; 4) комбинированные (смежная группа). В смежную

группу входят общедискурсивные или принадлежащие отдельному дискурсу ключевые слова, играющие важную роль также для конкретной партии (например, *демократия* для СДПГ), либо понятия, ключевые для обеих партий (*Wohlstand* 'благополучие', *Vielfalt* 'многообразии'). Статистика приведена в таблицах (см. *Таб. 4* и *Таб. 5* в Приложении).

Количество ключевых слов, относящихся к общему политическому дискурсу или к отдельным дискурсам, почти одинаково как в речах Ф.-В. Штайнмайера, так и в речах Р. Херцога. Наибольшей группой у обоих президентов является смежная, наименьшей – группа партийных ключевых слов. При этом в речах Р. Херцога партийные ключевые слова присутствуют всего лишь в количестве трёх – в 10 раз меньше, чем у Ф.-В. Штайнмайера. Можно предположить более интенсивное продвижение партийной повестки в выступлениях последнего, однако это также может указывать на большее количество ключевых слов в актуальном партийном словаре СДПГ по сравнению со словарём ХДС в 90-е годы. Оба варианта отчасти можно объяснить главенствующим и довольно устойчивым положением ХДС.

Примечательно, что нередко в речах с более обобщённой тематикой общее число ключевых слов значительно меньше чем в узконаправленных. Показательны в частности две речи Р. Херцога, произнесённые перед английской делегацией (ГА и МРШЛ); если в первом случае мы имеем дело лишь со вступительной речью на ежегодной конференции, то во втором на рассмотрение выносится конкретный вопрос внешней политики – развитие европейского сообщества.

Довольно очевидно и предсказуемо распределение по речам корпуса ключевых слов из отдельных поддискурсов. Они редко покидают пределы своих дискурсов, иными словами, редко встречаются в речах иной тематики и проблематики. Исключением можно назвать ключевые слова, связанные с пандемией коронавируса: в речах Ф.-В. Штайнмайера (ВМВ, ЭСТ) она упоминается в различных контекстах, оставаясь одной из самых злободневных общественных тем. В нашем корпусе данный тип ключевых

слов сконцентрирован в речах, относящихся к дискурсу национал-социалистического прошлого Германии и Второй мировой войны, а у Ф.-В. Штайнмайера также к феминистскому дискурсу и дискурсу, обсуждающему проблемы расизма и нетерпимости (в контексте речей Ф.-В. Штайнмайера эти три направления могут пересекаться). Для наглядности рассмотрим несколько примеров:

(3) „*Wir erleben, wie mancherorts Politiker mit ihrem **Sexismus** prahlen und gleichwohl in höchste Staatsämter gewählt werden; wie auch bei uns in Deutschland der **Frauenanteil** in manchen Parlamenten eher wieder sinkt; wie auch im Internet **Frauenhass** und **antifeministische Hetze** um sich greifen.*“ [Ш-ЖС]

В приведённом предложении политик использует частотное в контексте феминистской повестки ключевое понятие *женская квота* (Frauenanteil, синоним Frauenanquote), обозначение механизма установления гендерного равенства. Наряду с этим относительно нейтральным ключевым словом здесь присутствуют и *Unwertwörter*, т. е. обозначения негативных явлений: *сексизм, женоненавистничество, антифеминистская травля*. Все три понятия в этом контексте выполняют явную пейоративную функцию. Большое число ключевых слов феминистского дискурса в данной речи (см. Таб. 4) говорит о стремлении президента соответствовать ожиданиям узкой специфической аудитории – Женского совета с одной стороны и заинтересованных в вопросах феминизма с другой – и о демонстрации знаний проблематики и основных понятий феминистского дискурса. Так политик завоёвывает доверие адресата: как присутствующих слушательниц, так и массовой аудитории.

Что касается разновидностей ключевых слов, то помимо *Unwertwörter* часто используются также *Hochwertwörter*, называющие высокие ценности, как например, *демократия, гражданские свободы, безопасность* и *правовое государство* (первое и третье понятия в то же время входят в партийный лексикон СДПГ):

(4) „*Wir wissen um die Zerstörung der Demokratie, die Beseitigung bürgerlicher Freiheiten und aller Sicherheiten des Rechtsstaats [...]*“ [Ш-ЕВС]

Говоря о таких универсальных, общечеловеческих ценностях, политик может апеллировать к любой аудитории и ожидать положительной реакции. В нашем корпусе, что также демонстрирует Пример (4), ключевые слова указанных типов (но равным образом и прочие) часто фигурируют в составе метафор, что усиливает образность и экспрессивное воздействие на адресата. Кроме того, в данном случае *Hochwertwörter* плотно сконцентрированы в одном предложении (т. е. воздействия на адресата в этот момент речи интенсифицировано) и перечисляются триадой. Для речей обоих президентов характерно перечисление триадами и парами; к этому вопросу мы вернёмся в разделе о перечислениях (см. стр. 52-53).

В речах Р. Херцога имеют место ключевые слова, связанные с ещё крайне актуальными в тот период историческими событиями 90-х годов, например, *die Mauer* (Берлинская стена) и *die Wende* (мирная революция):

(5) „*Manche sprechen davon, die Mauer sei «zu früh» gefallen, oder sehen sich als "Verlierer der Wende."*“ [Х-РЖДВ]

В данном контексте речь идёт о негативных последствиях воссоединения Германии, которые служили поводом для критики («якобы Берлинская стена рухнула слишком рано», «неудачники мирной революции» – второе выражение является отрицательной оценочной номинацией). В своём рождественском обращении Р. Херцог даёт адресату понять, что лично он и государство в его лице осознают беспокоящие население проблемы, но что важнее, не отрицают критику и недовольство. Это также может повысить уровень общественного доверия. Заметим и то, что связанные с этим историческим событием ключевые понятия также обнаруживаются в речах Ф.-В. Штайнмайера (см. Таб. 4 и 5), т. е. данная тема до сих пор не потеряла актуальности в политическом дискурсе Германии.

2.4.3. Метафоры

Метафора, наравне с местоимением *мы* и ключевыми словами, обнаруживает в изучаемом корпусе довольно большое число случаев употребления. Как показывает *таблица 1*, оба президента прибегают к метафоре с почти одинаковой частотой. Однако для нас важно определить разновидность метафор в их речах, поэтому они разделены нами на 4 группы: 1) общеязыковые; 2) общие для политического дискурса в целом (см. стр. 24) / какого-либо входящего в него отдельного дискурса (направления); 3) личные связанные с партией / полностью партийные (под первыми следует понимать метафоры, едино- или многократно употреблённые конкретным оратором, в которых прямо или путём синонимии задействована его партийная лексика и/или выражается партийная идеология; под вторыми – метафоры, встречающиеся также в других партийных выступлениях и публикациях); 4) личные не связанные с партией. Статистика представлена в таблице ниже:

Таб. 6. Метафоры

	Общеязыковые	Общедискурсивные	Партийные	Личные	
Ф.-В. Штайнмайер	16	23	3	62	104
ИНГ	2	3	1	5	11
САД	3	2	0	2	7
СЕУЛ	1	2	0	3	6
ДЕМО	0	5	0	8	13
РЖДВ	1	2	0	3	6
Ш-Б	1	1	0	7	9
ЕВС	3	3	1	4	11
ЖС	1	1	0	2	4
КРН	1	1	0	5	7
ВМВ	2	3	0	19	24
РАС	1	0	1	3	5
ЭСТ	0	0	0	1	1
Р. Херцог	18	3	4	92	117
ВВ	2	0	0	5	7
СЕМ	3	1	0	3	7
РЖДВ	2	0	0	8	10
ДРЗД	3	0	0	14	17
РУМ	0	0	0	5	5
УЖИЗ	0	0	2	7	9
ГА	0	0	0	5	5
МРШЛ	3	1	1	5	10
РОСС	3	0	1	22	26

ОРД	0	0	0	3	3
ПГРМ	1	0	0	13	14
КТЛ	1	1	0	2	4

Примечательно, что количество общедискурсивных метафор в речах Ф.-В. Штайнмайера в 7 раз больше, чем в речах Р. Херцога, в которых они почти не употребляются. Это может свидетельствовать о большей вовлечённости нынешнего адресата в политический дискурс и в отдельные его составляющие, о большей осведомлённости адресата в вопросах дискурса, что позволяет политику часто апеллировать к общему знанию. В качестве примера детально рассмотрим два случая употребления общедискурсивных метафор в речах обоих президентов:

(6) „*Es ist unser gemeinsames **Zuhause**.*“ [Ш-ЕВС] (7) „[...] *die Vision einer Erstreckung der Europäischen Gemeinschaften auf ganz Europa war schon in den Römischen Verträgen **verankert**.*“ [Г-МРШЛ]

В Примере (6) мы видим метафорику *дома* (под домом подразумевается страна, в нашем случае Германия), довольно популярную в политической риторике. В этой речи, произнесённой на конгрессе общин Центрального совета евреев Германии и во многом посвящённой проблемам дискриминации и насилия против евреев в стране, Ф.-В. Штайнмайер обращается именно к еврейской части населения. *Дом* в его речи в первую очередь означает взаимное принятие, безопасность и чувство безопасности, т. е. *чувство дома* (выражение *sich zu Hause fühlen* 'чувствовать себя как дома' также присутствует в речи). Германия, по мнению президента, должна быть одинаково безопасной для всех её граждан, в чём он видит важную задачу демократической власти. Действенность метафоры усиливает определение с семантикой общности и притяжательное местоимение – «наш общий дом».

В Примере (7) Р. Херцог прибегает к метафоре якоря, которую здесь можно рассматривать как языковую, но которая имеет прямое отношение к классической метафорике корабля (*verankert* 'поставленный на якорь';

укоренившийся'). Выражение, скорее всего, не осознаётся аудиторией как метафора, и заложенная в нём общеизвестная метафорика действует на сознание адресата подсознательно. Ф.-В. Штайнмайер равным образом использует метафору якоря: единожды в такой же, как и у Р. Херцога, форме и в аналогичном значении [Ш-ЖС], дважды это выражение «якорь надежды» (*Anker der Hoffnung*) [Ш-ИНГ, Ш-САД].

Что касается прочей классической политической метафорики, в корпусе не раз встречается метафорика природных явлений и катаклизмов («катастрофа войны и диктатуры» [Ш-ВМВ]) стройки/здания («фундамент Запада» [Ш-ИНГ], «возведение российской экономики» [Х-РОСС]), поединка («бой с прошлым» [Ш-ВМВ]), человека как живого существа («лицо антисемитизма» [Ш-Б]); как подтип последней можно выделить метафорику увечий, встречающуюся в речах Р. Херцога и связанную с темами войны и национал-социалистического прошлого Германии («удар в лицо» [Х-ПГРМ], «залечивать раны» [Х-ДРЗД], «раны общества» [Х-РЖДВ]). Можно заметить, что все они служат для раскрытия определённых тем и проблем, в некоторых случаях выполняя оценочную функцию.

Теперь проанализируем примеры с партийными метафорами:

(8) „*Und denen, die mich nicht unterstützt haben, denen gebe ich ein Versprechen: [...] in Respekt vor dem **Vielklang der Stimmen in unserer Demokratie**, werde ich dafür arbeiten, auch Ihr Vertrauen zu gewinnen.*“ [Ш-ИНГ] (9) „*Die Geschichte dieser letzten dreißig Jahre hat gezeigt, daß die Vergangenheit, die zwischen uns steht, zwar nicht verdrängt werden kann und darf. Wohl aber ist es möglich, sie zu **überbrücken** und ihr so das Trennende zu nehmen.*“ [Г-УЖИЗ]

Метафора в Примере (8), «полифония голосов в нашей демократии», выражает первостепенную для СДПГ идею демократического многообразия мнений в политике, которое в данном контексте оценивается однозначно положительно, поскольку Ф.-В. Штайнмайер прямо говорит о своём уважении к нему. Под «полифонией голосов» можно понимать не только

различные партии и политических деятелей, но и многообразную аудиторию, мнения которой также могут во многом различаться. Это инаугурационная речь, и президент задаёт идею многообразия как ориентир политического дискурса.

В Примере (9) появляется метафора моста, характерная для партии Р. Херцога ХДС. Как и в (7), она может быть рассмотрена и, что важнее, воспринята как языковая, а следовательно, неочевидная для адресата. Метафора моста отсылает к важной линии внешней политики партии – укреплению отношений с государствами, связи с которыми были разорваны в военное время и после войны (в нашем корпусе встречается только в подобном контексте). Здесь таким государством выступает Израиль, и речь идёт о «мосте», который должен быть перекинут через общий для обеих стран трагический период истории и сделать возможным дальнейшее полноценное сотрудничество. Итак, мы видим, что в обоих случаях президенты не только работают с конкретным адресатом, но и продвигают партийную повестку.

Наконец, стоит обратить внимание на личные метафоры, составляющие основную часть всех метафор у обоих президентов:

(10) „*Auch in Deutschland in Deutschland mordet Rassismus.*“ [Ш-РАС]

(11) „*Was wir brauchen, ist Versöhnung und Verständigung, Vertrauen und gute Nachbarschaft. Das kann nur weiterwachsen und gedeihen, wenn unsere Völker sich dem Grauen ihrer jüngsten Geschichte in aller Offenheit stellen.*“ [Г-ВВ]

Как видно из приведённых примеров, личные метафоры выражено мелиоративны или пейоративны. Так, в (10) крайне отрицательная оценка выражена метафорой-олицетворением «расизм убивает», что является отсылкой к нападениям и убийствам на почве расовой и этнической ненависти, имеющим место в стране. В (11) с помощью метафоры растительности и цветения («расти и процветать»), указывающей на успешную и плодотворную политическую деятельность и служащей средством мелиоративной оценки политических событий [Кропотухина 2011:

142]), положительно оцениваются общие, тоже отчасти метафорические понятия примирения, взаимопонимания, доверия и доброго соседства (важно: перечисляются парами – см. стр. 52-53). За этой мелиоративной метафорой следует явно пейоративная: «ужас их недавней истории».

Возвращаясь к статистике, следует отметить, что наибольшее число метафор содержат речи президентов, посвящённые теме Второй мировой войны [Ш-ВМВ и Х-ДРЗД]: 24 и 17 соотв.; и речь Херцога перед Государственной Думой РФ [Х-РОСС]: 26. Стиль этих речей более возвышенный, а их тексты тщательнее проработаны, что в первом случае указывает на ключевую роль темы Второй мировой войны для политического дискурса Германии и Европы, а во втором – на важность внешнеполитического повода (налаживание отношений). При этом нельзя однозначно говорить о более сложных прагматических задачах этих речей, скорее о более серьёзных и масштабных.

Рассмотрев ключевые слова и метафоры в речах Р. Херцога и Ф.-В. Штайнмайера, мы видим, что оба президента используют партийную лексику и, таким образом, выражают партийную идеологию и установки вопреки своей надпартийной политической роли. Это может говорить как о сохраняющейся крепкой связи с партией, так и со стремлением соответствовать ожиданиям приверженной ей аудитории и, следовательно, поддерживать или даже повышать рейтинг партии.

2.4.4. Оценочные существительные и прилагательные

В нашем корпусе оценка адресанта, как положительная, так и отрицательная, часто находит выражение, помимо метафор и ключевых слов, в существительных и прилагательных. Заметим, что иногда сложно однозначно разграничить метафоры и самостоятельные оценочные слова; также подавляющая часть ключевых слов в нашем корпусе относится к существительным или прилагательным. Ниже – статистическая таблица:

Таб. 7. Оценочные существительные и прилагательные

	+	-
--	---	---

Ф.-В. ШТАЙНМАЙЕР		
ИНГ	6	–
САД	6	–
СЕУЛ	3	1
ДЕМО	2	8
РЖДВ	5	4
Б	2	7
ЕВС	12	13
ЖС	6	4
КРН	7	6
ВМВ	6	8
РАС	–	4
ЭСТ	5	–
	60	55
Р. ХЕРЦОГ		
ВВ	2	12
СЕМ	16	10
РЖДВ	–	8
ДРЗД	–	11
РУМ	1	1
УЖИЗ	8	1
ГА	8	1
МРШЛ	8	–
РОСС	5	1
ОРД	5	2
ПГРМ	–	21
КТЛ	4	2
	57	65

Как показывает статистика, общее число, а также число слов с положительной и отрицательной оценкой в выступлениях президентов почти одинаково. Важной стороной анализа в данном случае нам видится общее распределение таких слов по речам корпуса и соотношение отрицательных и положительных оценок в отдельных речах. Несмотря на то, что между речью с наименьшим и с наибольшим общим числом оценочных слов имеет место очень плавный и размытый числовой спектр (это особенно заметно в речах Ф.-В. Штайнмайера), можно говорить о прямой зависимости количества оценочных существительных и прилагательных от степени актуальности и значимости обсуждаемых в речи проблем. Это лучше всего демонстрируют речи Ш-ЕВС и Х-ВВ, Х-ПГРМ, Х-СЕМ, затрагивающих, соответственно, проблемы антисемитизма и расизма; преступлений национал-социализма и

исторического наследия немцев, евреев и поляков; семейной политики – ключевой для ХДС в 90-е годы.

Показательны названные речи и для анализа распределения положительных и отрицательных оценок. Так, в X-BB на две мелиоративные лексемы приходится 12 пейоративных, а в X-ПГРМ присутствует исключительно 21 пейоративная. То есть, следует назвать эти речи критическими. Приведём некоторые примеры:

(12) „*In den entfesselten **Racheaktionen** nach Beginn des Warschauer Aufstandes, in der systematischen **Vernichtung** der Stadt und ihrer Bewohner überschlug sich die **Zerstörungsmaschinerie** der Nazis in einem letzten **haßerfüllten** Aufbäumen.*“ [X-BB] (13) „*Die Nacht vom 9. auf den 10. November 1938 gehört zu den **schlimmsten** und **beschämendsten** Momenten der deutschen Geschichte.*“ (14) „*[...] all das waren auch die Folgen einer **ausdrücklichen Gottlosigkeit**, wie sie in den brennenden Synagogen zum Ausdruck kam.*“ [X-ПГРМ]

Выражения *акты мести, уничтожение* и метафорический неологизм *разрушительная машина*, а также определение *полный злости* в Примере (12) в высшей степени критически отсылают к событиям Хрустальной ночи. Пейоративная оценка перемежается здесь с этическим призывом к осуждению; кроме того, возбуждаемые у аудитории общие негативные чувства способствуют её идейному сплочению. Интенсивность оценке придаёт лаконичность и ёмкость выражений, имеющих форму сложных слов (кроме *уничтожения*). В Примере (13) интенсивность достигается с помощью превосходной формы прилагательных: Р. Херцог называет события Хрустальной ночи одними из *худших* и *постыднейших* в истории Германии. Наконец, в Примере (14), где фигурирует пейоративное существительное *безбожность*, помимо оценки косвенно выражена принадлежность Р. Херцога к религиозной части населения, что должно подкрепить доверие последней, а кроме того, является отсылкой к христианской идеологии ХДС.

Примечательно, что все семь лексем имеют отрицательную коннотацию сами по себе, вне контекста.

В Г-СЕМ число положительных оценочных слов преобладает (16 и 10); в Ш-ЕВС они почти равны (12 и 13). Помимо серьёзной критики существующих общественных проблем (а в случае Г-СЕМ это неблагоприятные условия для семей, в особенности молодых, и недостаток государственной помощи), президенты дают положительную оценку определённым социальным явлениям. Ф.-В. Штайнмайер говорит о вкладе еврейской общины в культуру Германии: (15) „*ein Gewinn*“, „*ein Geschenk*“ [Ш-ЕВС]; Р. Херцог – о позитивных и важных для человека и общества сторонах института семьи: (16) „*Und wo lernt man besser **Rücksichtnahme und Toleranz** kennen, **Geborgenheit, Helfen und Verzeihen?***“ [X-СЕМ].
Использованные Ф.-В. Штайнмайером в Примере (15) существительные *выигрыш* и *подарок* имеют положительную коннотацию вне контекста, как и в предыдущих примерах; в (16) это можно наверняка утверждать только о *толерантности* (*Toleranz*); коннотация прочих существительных – *внимание, защищённость, помощь, прощение* – зависит от контекста.

Таким образом, благодаря наличию как отрицательных, так и положительных оценочных слов эффект, произведённый на адресата, уравновешивается. Заметим следующее: если в вышеприведённых критических речах задача оратора – через переживание «закрепить» негативные чувства адресата, а вместе с тем уже существующие у него нравственные установки, то в данной ситуации негативные чувства, осознание несправедливости и наличия проблемы должны благодаря контрасту с положительной оценкой перерасти в желание решить эту проблему.

Наконец, в корпусе существует тенденция к минимальному числу или вовсе отсутствию пейоративных существительных и прилагательных в речах, полностью или отчасти адресованных иностранной публике. Например, у Ф.-В. Штайнмайера это САД (0), СЕУЛ (1), ЭСТ (0); у Р. Херцога –

УЖИЗ (1), ГА (1), МРШЛ (0), РОСС (1). Это связано с поводом (выставка, конференция, дипломатическая поездка) и выбором соответствующего предмета речи. В целом предмет названных речей можно охарактеризовать как положительный – это указывает на стремление показать «светлую сторону» и создать благоприятное впечатление у представителей других государств, в т. ч. и у широкого адресата, поскольку речь с высокой вероятностью будет освещаться местными СМИ.

2.4.5. Антитезы

Среди риторических фигур, помимо метафоры, для нашего исследования значима антитеза. Она представляет собой противопоставление понятий и выражается в синтаксических конструкциях разного типа: это могут быть как отдельные лексемы-антонимы, так и целые фрагменты текста [Брандес 1990: 298]. Как Ф.-В. Штайнмайер, так и Р. Херцог чаще всего прибегают к антитезе в речах с наиболее серьёзной тематикой и/или злободневной проблематикой: Ш-ЖС (9), Ш-ВМВ (8), Ш-КРН (6); Х-РОСС (8), Х-ДРЗД (7), Х-УЖИЗ (7), Х-КТЛ (7). Прочие данные также представлены в таблице:

Таб. 8. Антитезы

Ф.-В. ШТАЙНМАЙЕР			Р. ХЕРЦОГ
ИНГ	4	3	ВВ
САД	2	5	СЕМ
СЕУЛ	5	5	РЖДВ
ДЕМО	4	7	ДРЗД
РЖДВ	–	4	РУМ
Б	–	7	ИЗР
ЕВС	3	5	ГА
ЖС	9	6	МРШЛ
КРН	6	8	РОСС
ВМВ	8	1	ОРД
РАС	2	4	ПГРМ
ЭСТ	2	7	КТЛ
	45	62	

Антитеза придаёт тексту речи образность и экспрессивность, что доказывает следующий пример:

(17) „Ausgerechnet an Ostern, dem Fest der Auferstehung, wenn Christen weltweit **den Sieg des Lebens über den Tod** feiern, müssen wir uns einschränken [...] damit **Krankheit und Tod nicht über das Leben siegen.**“ [Ш-КРН]

Выделенная антитеза – двойная: противопоставление *жизнь и смерть* фигурирует в более распространённом: «*победа жизни над смертью*» и «*чтобы болезнь и смерть не одержали победу над жизнью*». Важно отметить здесь и классическую метафору войны/борьбы. Кроме того, мы видим метонимическое противопоставление, поскольку под болезнью и смертью очевидно подразумевается пандемия коронавируса. Абстрактные понятия жизни и смерти повышают пафос речи. Встречаются в корпусе и контекстуальные антитезы, например:

(18) „Es gibt keinen deutschen Patriotismus ohne [...] den Blick auf **Licht und Schatten, ohne Freude und Trauer, ohne Dankbarkeit und Scham.**“ [Ш-ВМВ]

В данном предложении использованы устоявшиеся парные формы (Zwillingsformel): *свет и тень, радость и горе*; в последней паре, *благодарность и стыд*, компоненты являются антонимичными в рамках приведённого контекста. Пример демонстрирует ещё одну важную функцию антитезы: обобщение и упрощение явлений, позволяющие адресату легче и яснее представлять положение вещей и давать ему более однозначную оценку либо сопоставлять оценку оратора со своей собственной. Поэтому нередко для противопоставления используются лексемы, сами по себе имеющие негативную и положительную коннотацию. С помощью абстрактных понятий апеллирует к аудитории и Р. Херцог:

(19) „Uns verbinden **Vergangenheit und Zukunft** in dem Sinne, daß wir **die Zukunft** aus dem Anknüpfen an **die Vergangenheit** gestalten wollen.“ [X-РОСС]

Под *прошлым* он, вероятнее всего, подразумевает взаимоотношения Германии и России (СССР) в 20-м столетии; под *будущим* имеется в виду возможное предстоящее сближение и сотрудничество, следовательно, в этом контексте данным лексемам также присуща оценочность, но намного более

скрытая. Итак, мы видим, что оба президента употребляют абстрактные понятия в качестве средства противопоставления реальных явлений. Наконец, в примере ниже мы имеем дело с обширной развёрнутой антитезой:

(20) „Auf der einen Seite werden die privatesten und intimsten Dinge öffentlich gemacht [...]. Auf der anderen Seite werden entscheidende, für die Gesellschaft hochrelevante Angelegenheiten ins rein Private abgedrängt.“ [X-KTL]

Противопоставляются в приведённом отрывке как объекты действия («самое приватное и интимное» и «решающие, крайне значимые для общества вопросы»), так и сами действия («делаются публичными» и «оттесняются в сугубо личную сферу»), иначе говоря, ситуации целиком. В этой антитезе равным образом присутствует оценка оратора, достигаемая путём перекрёстного смыслового сочетания элементов и демонстрации обеих ситуаций как неправильных.

2.4.6. Параллельные гендерные формы

Среди значимых явлений современного немецкого языка нужно выделить широкое употребление гендерно-нейтральных форм существительных, обозначающих человека. Один из наиболее употребительных вариантов – параллельные формы мужского и женского родов, служащие для гендерного уравнивания посредством языка, в немецкой лингвистике – *Beidnennung*. [Braun 1998: 269-270]. Тенденция на использование параллельных форм отсылает к существующей в обществе Германии феминистской повестке и потому может считаться маркером политического дискурса.

В рамках этого вопроса наш корпус весьма показателен. В то время как у Ф.-В. Штайнмайера параллельные формы встречаются в 7 из 12 речей, Р. Херцог не использует их вообще:

Таб. 9. Параллельные гендерные формы

	Ф.-В. ШТАЙНМАЙЕР
Bürgerinnen und Bürger	6 (САД, ДЕМО, РЖДВ, ЖС, КРН, ВМВ)
Jüdinnen und Juden	4 (ЕВС)

Mitbürgerinnen und Mitbürger	3 (РЖДВ, КРН, ВМВ)
Demokratinnen und Demokraten	2 (ДЕМО, ЖС)
Mütter und Väter des Grundgesetzes	1 (РАС)
Schweizerinnen und Schweizer	1 (ДЕМО)

Исходя из этого, можно утверждать, что ещё в 90-е годы прошлого столетия проблема языкового присутствия женщин не имела такого политического веса, как сегодня. Другое доказательство этому – число употреблений корня *Frau-* ('женщина') в речах корпуса: так, Ф.-В. Штайнмайер произносит слова с этим корнем 51 раз, Р. Херцог – 11 раз. Этот факт говорит о меньшем внимании, уделяемом вопросам женских прав в целом, что может быть обусловлено спецификой как периода, так и партийных установок.

В речах Ф.-В. Штайнмайера параллельные формы выступают в качестве формальных этикетных выражений либо употребляются намеренно как риторическое средство:

(21) „*Guten Abend, liebe **Mitbürgerinnen und Mitbürger!***“ [Ш-КРН]

(22) „*Ob dieser Ausgangspunkt – von den **Müttern und Vätern des Grundgesetzes** [...] gesetzt – heute noch zeitgemäß formuliert ist, darüber gibt es eine Debatte [...]*“ [Ш-РАС]

(23) „*Denn die Demokratie wird ihren eigenen Idealen von **Freiheit und Gleichheit** nur dann gerecht, wenn **Frauen und Männer** gleichermaßen an ihr beteiligt sind, wenn **Bürger und Bürgerinnen** sie [...] auf allen Ebenen tatsächlich mitgestalten.*“ [Ш-ЖС]

В первом случае выражение «сограждане», в немецком оригинале парное и включающее как мужчин, так женщин, синонимично этикетному «дамы и господа», в немецком «*Damen und Herren*». Поэтому, хотя и являясь средством установления равенства, оно обладает далеко не таким высоким прагматическим потенциалом, как следующее выражение «матери и отцы конституции», апеллирующее к историческому факту. Двойная форма в этом случае притягивает логическое ударение и вместе с ним – внимание адресата, заставляя того мысленно сфокусироваться на идее равного вклада мужчин и женщин в развитие государства. Продвигается феминистская – партийная –

повестка. Кроме того, это выражение является культурным компонентом (см. стр. 16), отсылая к истории Германии и тем самым активируя фоновые знания адресата.

Отдельно нужно сказать о Примере (23) из речи перед Женским советом Германии; выше уже говорилось о том, что она произносилась в рамках феминистского дискурса, а потому имеет специфического прямого и также более узкого массового адресата. В данном контексте благодаря параллельной форме «граждане и гражданки», синонимичной предшествующей антитезе «женщины и мужчины», подчёркивается, как и в (22), необходимость общего вклада в дело демократии. Здесь выполняется и другая прагматическая задача: президент демонстрирует приверженность идее равноправия, «доказывая» это своей речью. Так он идейно сближается с прямым адресатом и как минимум со значительной частью массового, повышая уровень доверия к себе и своей партии.

2.5. Синтаксические средства

2.5.1. Перечисления

Численное распределение синтаксических средств по речам корпуса можно увидеть в таблице:

Таб. 10. Общая статистика синтаксических средств

	перечисления	граммат. параллелизм	риторич. восклиц.	короткие предложения	риторич. вопросы
Ф.-В. Штайнмайер					
ИНГ	3	6	8	8	4
САД	10	4	6	2	3
СЕУЛ	–	3	–	–	–
ДЕМО	6	5	5	1	4
РЖДВ	6	10	12	7	–
Б	1	3	6	2	1
ЕВС	16	16	10	7	–
ЖС	12	8	0	–	–
КРН	8	4	8	12	12
ВМВ	10	16	18	12	1
РАС	10	13	4	5	1
ЭСТ	1	5	2	3	–
	83	83	79	59	26
Р. Херцог					
ВВ	7	4	–	–	–

СЕМ	12	8	1	6	1
РЖДВ	4	4	–	3	1
ДРЗД	14	13	3	1	3
РУМ	6	6	–	–	–
УЖИЗ	3	2	1	3	–
ГА	3	2	1	3	1
МРШЛ	14	7	1	–	6
РОСС	18	10	5	2	2
ОРД	4	5	3	1	–
ПГРМ	15	12	1	1	–
КТЛ	9	6	2	1	–
	109	89	18	21	14

Одно из наиболее частотных синтаксических средств в исследуемых речах – перечисление. В понимании М. П. Брандес [1990: 245] это повторяющиеся в законченном высказывании однородные элементы. Примечательным представляются перечисления с асиндетической связью (асиндетон), как в примерах ниже:

(24) *„Mit ihrem sozialen Engagement stellen die Kirchen eine ständige, auch öffentliche und politische Aufforderung dar: nämlich **die Schwachen, die Kranken, die Wettbewerbsverlierer** nicht aus den Augen zu verlieren.“ [X-КТЛ]*

(25) *„Populisten nutzen die neuen Kanäle, um alte Antworten auf die Frage nach Identität und Orientierung zu geben: **Abschottung, Ausgrenzung, Nationalismus.**“ [Ш-ДЕМО]*

В обоих примерах бессоюзные перечисления («не терять из виду слабых, больных, потерпевших поражение»; «разобщение, изоляция, национализм») изменяют интонационный контур, привлекая внимания слушателя на выделенных смысловых единицах; при чтении текста речи внимание адресата привлекает пунктуация (запяты, здесь также двоеточие в обоих случаях), заменяющая интонацию оратора. Кроме того, оба примера демонстрируют несколько возвышенный стиль, что соответствует предмету речи: социальная активность церквей и их призыв к поддержке и помощи тем, кто в это нуждается, в (24); и антиценности сторонников популизма в (25). В последнем случае мы наблюдаем негативную оценку, выразительность которой усиливают перечисление и асиндетон.

Ещё одно встретившееся нам явление – парное и тройное перечисление, при котором элементы перечисляются не отдельно, а парами или триадами:

(26) „*Nichts hinzufügen, aber auch nichts weglassen, nichts verschweigen und nichts aufrechnen. [X-BB]* (27) *Auch hier [in Deutschland] werden Menschen ausgegrenzt, angegriffen und bedroht [...]*“ [Ш-РАС]

В контексте (26) Р. Херцог говорит об общей трагической истории Германии и Польши, о дальнейшем сближении стран и его условиях (см. Пример (11): примирение, взаимопонимание и проч.). В приведённом примере некоторые из них – «ничего не добавлять, но также ничего не опускать, ничего не замалчивать и не сводить счёты». Здесь мы видим перечисление из 4-х элементов, разбитых на две пары; внутри пар элементы состоят в антонимических отношениях, т. е. перечисление комбинируется с антитезой, что добавляет выражению экспрессивности, а также ставит на нём смысловое ударение благодаря изменениям интонационного контура. Названные эффекты служат для облегчения прагматической задачи оратора, а именно этического призыва.

В (27) можно наблюдать триаду из предикативных причастий («люди подвергаются изоляции, нападениям и угрозам»). Хотя семантически «нападать» предполагает большую опасность и вред, чем «угрожать», последнее вполне может предполагать угрозу жизни. В таком случае мы имеем дело с градацией, поскольку увеличивается степень описываемой опасности. Итак, в речах корпуса перечисление триадами часто применяется в сочетании с градацией, в то время как парное перечисление – с антитезой, что в обоих случаях ведёт к усилению прагматического эффекта. Также стоит упомянуть символическое значение чисел два и три, которое может не осознаваться коммуникантами, но при этом оказывать воздействие на восприятие высказываний, являясь, таким образом, имплицитной информацией.

2.5.2. Грамматический параллелизм

В этом разделе рассматривается симметричный повтор словоформ или элементов текста – грамматический параллелизм (*der grammatische Parallelismus*), относящийся к широкой категории повторов. При этом точный повтор лексем для грамматического параллелизма необязателен, речь идёт о повторении синтаксической структуры. Функцией этого языкового средства в политической коммуникации выступает увеличение степени убедительности и запоминаемости текста. Помимо этого, являясь разновидностью повтора, грамматический параллелизм служит для выделения понятий – в качестве темы или обобщения сказанного [Шендельс 1975: 244-249].

В исследуемом корпусе грамматический параллелизм равно типичен как для Р. Херцога, так и для Ф.-В. Штайнмайера (89 и 83 случая). Выделить ясную тенденцию в речах президентов сложно, однако мы вновь можно заметить, что наибольшее число случаев употребления демонстрируют уже не раз упомянутые речи с серьёзной тематикой и/или очень актуальной проблематикой: Х-ДРЗД (13), Х-РОСС (10), Х-ПГРМ (12); Ш-ЕВС (16), Ш-ВМВ (16), Ш-РАС (13). Поскольку в таких речи на порядок больше и число некоторых других синтаксических и лексических средств, можно заключить, что для выступлений обоих президентов существует тенденция к большей языковой нагруженности при большей степени тематической серьёзности и актуальности обсуждаемых проблем. Однако вернёмся к грамматическому параллелизму и проанализируем соответствующие примеры:

(28) „*Zeit zum Durchatmen. Zum Lesen vielleicht, zum Entspannen oder einfach mal zum Ausschlafen. Zeit auch zum Nachdenken – über das, was wichtig war in diesem Jahr, und was wichtig wird im kommenden.*“ [Ш-РЖДВ]

Здесь обнаруживаются сразу два случая параллелизма. В первом из них элементы выражения *время, чтобы [действие]* сочетаются с однотипными субстантивированными инфинитивами (*выдохнуть, почитать, расслабиться, выспаться, поразмышлять*); как сказано выше, изменяется

лексическое наполнение выражения; кроме того, первая его часть повторяется целиком лишь однажды, в остальном – только инфинитив с предлогом. Однако здесь очевидна синтаксическая симметрия – даже на уровне морфологии – вместе с перечислением, взаимодействие которых даёт адресату короткую рецептивную передышку: вместе с новой информацией не появляются никакие новые конструкции, не изменяется интонационный контур. Такая мера помогает избежать снижения внимания и, как следствие, интереса адресата. Во втором случае параллельные формы особенно эффективны благодаря заключённой в них грамматической антитезе: *что было важно* и *что будет важно*. То есть, грамматический параллелизм также необходим для усиления выразительности других языковых средств, в частности лексических. Перейдём к следующему примеру:

(29) „***Ich werde die Politiker an ihre Versprechen erinnern und die Wirtschaft an ihre Verpflichtungen und Chancen. Ich werde, wo es geht, Betriebe besuchen, die intelligent genug sind und sich familienfreundliche Lösungen einfallen lassen. Ich werde Kindergärten, Kindertagesstätten, Schulen aufsuchen, Jugendeinrichtungen besichtigen. Ich werde mich für familiengerechtes Wohnen und ihre Finanzierbarkeit interessieren und dabei die Großfamilie nicht vergessen.***“ [X-CEM]

В этих предложениях за счёт повторения первой части формы будущего времени «я буду» с последующими симметричными описанием действия реализуется указанная выше функция повышения степени убедительности. Приведённый фрагмент напоминает торжественную клятву, причём торжественность достигается не только благодаря неизменности и краткости фразы «я буду», принимающей несколько ритуальный оттенок, но и благодаря монотонности, возникающей, в свою очередь, из-за перемежения грамматического параллелизма и перечисления, как в Примере (28).

2.5.3. Риторические вопросы и восклицания

Среди прочих средств экспрессивного синтаксиса как служащие ориентации на адресата следует отметить риторические вопросы и

восклицания. В настоящей работе эти средства рассматриваются в одном разделе, поскольку оба могут выполнять побудительную функцию. В риторических вопросах наиболее явно и полно находит выражение категория диалогичности: они требуют пояснения, т. е. ответа, или как минимум побуждают адресата на его поиск. Риторический вопрос создаёт напряжение, связанное с ожиданием новой информации, но вместе с тем возникает также напряжение от ожидания действия. Этот эффект вопросительных предложений лучше всего проявляет себя в драматургии – на театральной сцене [Sowinski 1991: 94-95]. Показателен данный пример:

(30) *„Können die Westeuropäer, die das Glück hatten, fünfzig Jahre lang die Segnungen von Freiheit, Demokratie und Wohlstand zu genießen, den Mittel- und Osteuropäern, die fünfzig Jahre lang darauf warten mußten, jetzt die Teilhabe an der Erfolgsstrategie George Marshalls verweigern?“ [X-MPШЛ]*

Вопрос, может ли более свободная и состоятельная Западная Европа отказать Восточной и Центральной в программе помощи Маршалла, в этом контексте подразумевает однозначный отрицательный ответ – к нему Р. Херцог подводит адресата, в первую очередь присутствующих американских делегатов. Однако этот вопрос заключает в себе не только призыв к поиску этого ответа – в нём также содержится скрытый призыв к действию в долгосрочной перспективе, а именно призыв к помощи восточно- и центральноевропейским странам. Сама же форма вопроса делает монологическое выступление более театрализованным – помимо членов делегации при нём присутствуют прочие слушатели, а также пресса, соответственно, обеспечен и массовый непрямой адресат.

Что касается восклицания, такая интонация наиболее характерна для побудительных и желательных предложений [Зиндер 1957: 232]. Однако восклицание может фигурировать в совершенно разных эмоциональных контекстах, особенно в разговорной речи. Восклицательные предложения часто короткие [Sowinski 1991: 92], как, например, одно из приведённых ниже:

(31) „Und wir wollten mit den Jüngeren gedenken, die heute, drei Generationen später, fragen, was die Vergangenheit ihnen eigentlich noch zu sagen hat – und denen ich zurufe: **„Auf euch kommt es an! Ihr seid es, die die Lehren aus diesem furchtbaren Krieg in die Zukunft tragen müssen!**““ [Ш-ВМВ]

Оба предложения выражают эмоциональный этический призыв к молодым гражданам: перенять уроки прошлого и передать следующим поколениям. Но степень эмоциональности и апеллятивный потенциал первого предложения («Это зависит от вас!») выше именно за счёт его краткости. Это практически требование.

Что касается статистики (см. Таб. 9), можно заметить существенную разницу между речами президентов: риторические восклицания у Р. Херцога встречаются вдвое реже, вопросы – реже в 4 раза. Это может быть свидетельством эмоционально более сдержанной манеры и образа, чем у Ф.-В. Штайнмайера, и меньшего стремления к разговорности и «выраженной», «эксплицитной» диалогичности. В связи с этим не будет лишним предположение о более высоком возрасте и более консервативным коммуникативных нормах адресата Р. Херцога, что также может быть связано и с его партийной принадлежностью (ХДС – умеренные консерваторы, СДПГ – левоцентристы [Чейз 2017]).

Стоит обратить внимание на речь Ф.-В. Штайнмайера СЕУЛ, произнесённую в Сеуле. В ней нет восклицательных и вопросительных предложений; однако в отличие от Ш-ЖС, где они тоже отсутствуют, сеульская речь бедна и в отношении других рассматриваемых синтаксических средств: в ней также не используются перечисления и короткие предложения, прочие средства встречаются в крайне малом количестве (один случай повтора, три – параллелизма). Исходя из этого, можно предположить намеренное синтаксическое сглаживание текста с учётом необходимости перевода на очень далёкий от немецкого корейский язык.

2.5.4. Короткие предложения

Синтаксическим средством являются также короткие предложения, т. е. состоящие из 2-5 нераспространённых членов [Брандес 1990: 239]. В рамках данного исследования этот обобщающий термин кажется нам наиболее подходящим, поскольку мы не занимаемся исключительно синтаксисом, а затрагиваем лишь некоторые его средства, следовательно, более подробная терминологическая дифференциация в нашем случае представляется излишней. Для нашего анализа релевантны следующие свойства коротких предложений: сохранение повествовательного напряжения и близость к разговорной, «народной» речи [Sowinski 1991: 77-80]. Их хорошо демонстрирует пример ниже, где каждое последующее короткое предложение объясняет предыдущее, заставляя адресата ожидать дальнейшую информацию, и где Р. Херцог, начиная рассуждать о семье, уравнивает себя с адресатом, говоря о том, что сам является семейным человеком, и использует простой синтаксис, создавая доверительную обстановку:

(32) *„Als Bundespräsident muß ich ziemlich oft zu Themen sprechen, über die ich aus eigener Erfahrung nicht sehr viel sagen kann. Das ist heute ganz anders. Von Familie verstehe ich etwas. Ich habe nämlich selbst eine.“ [X-CEM]*

Количество коротких предложений в отдельных речах разумнее рассматривать на примере Ф.-В. Штайнмайера, поскольку его общее количество – 59, тогда как у Р. Херцога – всего лишь 21 (см. Таб. 9), что может указывать как на действие фактора адресата, так и на личную манеру речи и/или стиль письма спичрайтера. В первом случае возможны ориентация Штайнмайера на социально более широкого и гетерогенного адресата; стремление быть понятнее для «простой» аудитории и, следовательно, ближе к ней; языковой демократизм. Всё перечисленное может быть следствием современным общественным запросам к государственным деятелям и публичным личностям вообще. Однако на

основании лишь наших текстов дать точную оценку данному феномену нельзя.

Итак, что касается отдельных речей Ф.-В. Штайнмайера, наибольшее количество коротких предложений демонстрирует Ш-КРН (12). И в этом случае оправданно будет вернуться к предположению о демократичности речи и ориентации на максимально широкого, неоднородного адресата: это телевизионное обращение к стране. Наше предположение объясняет приведённый ниже пример:

(33) „*Viele Tausend sind gestorben. Bei uns im eigenen Land. Und in Bergamo, im Elsass, in Madrid, New York und vielen anderen Orten auf der Welt. Die Bilder gehen uns nah.*“ [Ш-КРН]

В выделенных коротких предложениях фигурирует метафорическое *мы*: речь идёт о всех гражданах ФРГ. Важно отметить и то, что момент речи, в который употребляются эти предложения, эмоционально напряжён, в нём говорится о жертвах пандемии в мире и в Германии. Таким образом, выдерживается серьёзный, отчасти траурный стиль и поддерживается повествовательное напряжение. Это происходит за счёт интонационных пауз, а также благодаря применению парцелляции: 1-е, 2-е, 3-е предложения примера *можно рассматривать как части одного целого, разделённого для усиления прагматического эффекта*. 4-е предложение изначально короткое, а потому обладает завершённым смыслом. Оно оканчивает фрагмент, который благодаря этому также приобретает смысловую завершённость. Наконец, простота и краткость способствует наилучшему и однозначному восприятию адресатом.

Внимания заслуживает также речь Ф.-В. Штайнмайера ЖС, в которой короткие предложения отсутствуют. Это не единственный случай в корпусе, однако можно предположить, что отказ от простых предложений именно в этой речи осознанный и служит определённой прагматической цели. Поскольку простые предложения могут использоваться, помимо прочего, для упрощения понимания, в речи, посвящённой вопросам феминизма, они

способны создать впечатление намеренного упрощения языка оратором-мужчиной для облегчения восприятия женщинами. То есть, мы допускаем, что при создании текста данной речи спичрайтер избегает коротких предложений, чтобы исключить возможность критики в адрес президента из-за предположительного проявления сексизма.

Выводы по Главе 2

Итак, во второй главе на материале речей федеральных президентов Р. Херцога и Ф.-В. Штайнмайера был проведён анализ состояния политического дискурса ФРГ в периоды с 1994 по 1999 гг. и с 2017 г. по настоящее время. Были выявлены наиболее актуальные и часто обсуждаемые проблемы, составляющие важные направления дискурса, такие как воссоединение Германии и её национал-социалистическое прошлое (актуально для обоих периодов, но первая проблема имеет для дискурса времён Р. Херцога более напряжённый характер из-за непосредственной близости события); укрепление международных связей и активное развитие ЕС (Р. Херцог); проблемы борьбы с дискриминацией и нетерпимостью на разной почве, защиты демократических прав и свобод, диалога культур и ценностей, а в последний год – пандемия коронавируса (Ф.-В. Штайнмайер).

Далее были проанализированы лексические и синтаксические средства выбранных речей, ориентированные на адресата. Наиболее релевантными для нашего исследования явились, соответственно, метафорическое местоимение *мы*, ключевые слова, оценочные существительные и прилагательные, метафоры и антитезы, параллельные гендерные формы; перечисления, грамматический параллелизм, риторические восклицания и вопросы, короткие предложения.

Метафорическое местоимение *мы* в речах нашего корпуса апеллирует преимущественно к нации и служит для создания у адресата чувства принадлежности и сплочения, что, в свою очередь, может способствовать более лёгкому достижению консенсуса. Также в частом использовании такого «национального» *мы* выражается и представительская роль

федерального президента. Ключевые слова, общие для политического дискурса в целом или для отдельных его направлений, призваны направлять ход мысли адресата и удерживать его в определённых дискурсивных рамках. Партийные же ключевые слова выражают идеологию и ценности партии президента, что идёт в разрез с его идеальным надпартийным образом, однако помогает найти поддержку среди приверженцев партии. Кроме того, анализ показал, что большинство ключевых понятий в нашем корпусе относятся к смежной группе, т. е. являются ключевыми как для дискурса, так и для одной или обеих партий ХДС и СДПГ: оба президента, апеллируя к сторонникам своих партий, используют общечеловеческие или общедемократические положительные ценностные понятия. Что касается метафор, в корпусе они также могут выражать партийную идеологию и повестку, а также служат для повышения уровня экспрессивности и образности речи, усиливая эффект этического призыва к аудитории. Наконец, и ключевые слова, и метафоры нередко служат средством оценки.

Отрицательно- и положительно-оценочные существительные и прилагательные, как и названные выше два средства, распределяются по речам в зависимости от их тематики и проблематики и от прагматической установки конкретной речи. Некоторые общественно-политические темы и проблемы предполагают высокую степень критики, что выражается в большом количестве негативных оценок, как, например, тема национал-социализма или дискриминации в современной Германии. Антитезы в изученных речах используются, во-первых, для обобщения и упрощения ситуаций и положений вещей и облегчения их восприятия адресатом; во-вторых, для придания речи большей образности. Наконец, параллельные гендерные формы, присутствующие в речах Ф.-В. Штайнмайера, представляют наименьшую по количеству употреблений группу и, тем не менее, выполняют важную прагматическую задачу: они необходимы для демонстрации приверженности оратора идеалам равноправия мужчин и женщин; это позволяет завоевать доверия определённой части аудитории,

что особенно наглядно показывает речь Ф-В. Штайнмайера перед Женским советом Германии. Использование параллельных форм также говорит о важности феминистской повестки в современной политике ФРГ.

Некоторые из синтаксических средств, а именно перечисление и грамматический параллелизм, сохраняют или, наоборот, снижают повествовательное напряжение и манипулируют вниманием адресата; помимо этого, они часто взаимодействуют с другими синтаксическими и лексическими средствами, усиливая их выразительность и эффект. Что касается перечисления, оно также необходимо для смыслового выделения элементов текста с помощью изменения интонационного контура. Параллелизм делает речь более убедительной. Риторические вопросы и восклицания являются наиболее явными проявлениями категории диалогичности. Вопросительные предложения предполагают внутренний поиск ответа, иными словами, тоже манипулируют ходом мысли адресата; восклицательные – повышают степень эмоциональности. Часто это короткие предложения, которые, в свою очередь, помогают оратору в некоторой степени подражать разговорной – «народной» – речи, а также выделяют главное в содержании, называя лишь его: так повышается точность высказывания и его эффектность. В отдельных случаях можно заметить намеренное избегание конкретных языковых средств, как в речи перед Женским советом, где короткие предложения не используются, чтобы не создавать впечатления упрощения речи.

Показательно наполнение речей обоих президентов названными языковыми средствами. Так, речи с наиболее серьёзной тематикой, актуальной проблематикой и/или политически важной прагматической целью демонстрируют самое большое количество и разнообразие средств. Такими речами являются, в частности, X-ДРЗД, X-РОСС, X-ПГРМ; Ш-ЕВС, Ш-ВМВ, Ш-РАС. Можно говорить о том, что внимание адресату в таких речах уделяется больше, а оказываемое на него воздействие – интенсивнее. Анализ также выявил существенную разницу в использовании президентами

риторических восклицаний и вопросов и коротких предложений: количество первых в речах Ф.-В. Штайнмайера более чем в три раза выше, чем в речах Р. Херцога, последних – почти в три раза. Это может свидетельствовать о более разговорной и эмоциональной манере нынешнего президента ФРГ и его более «открытом», «доступном» образе. Наконец, отсутствие параллельных гендерных форм в выступлениях Р. Херцога и регулярность данных форм в выступлениях Ф.-В. Штайнмайера наглядно демонстрируют изменение актуальной социо-политической повестки и её влияние на лексическое наполнение публичных речей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы было изучено влияние фактора адресата публичных речей федеральных президентов ФРГ на их лексический и синтаксический аспекты, в т. ч. выбор стилистических средств. Были выполнены поставленные задачи:

обобщены существующие в современной лингвистике теоретические положения о факторе адресата в политической коммуникации и в политической публичной речи;

собран корпус текстов речей федеральных президентов ФРГ Р. Херцога и Ф.-В. Штайнмайера;

выявлены и сравнены адресаты двух президентов в рамках современного для них политического дискурса, а также отдельных речей;

в собранном корпусе выявлены ориентированные на адресата лексические и синтаксические средства, проведена их классификация;

выполнен коммуникативно-прагматический анализ данных языковых средств.

В ходе работы также подтвердились вынесенные на рассмотрение тезисы, а именно: 1) о главенствующей роли фактора адресата в публичных речах федеральных президентов ФРГ и 2) о постоянстве первостепенных ориентированных на адресата языковых средств в данных речах. Что касается первого тезиса, мы пришли к заключению, что фигурирующие в изучаемых текстах лексические и синтаксические средства затрагивают перцептивную, мыслительную и эмоциональную сферы и бывают задействованы в речах с разной степенью частотности в зависимости от типа аудитории и её ожиданий, повода и тематики речи, прагматической задачи оратора. Было установлено, что в речах, имеющих политически более серьёзные и/или масштабные цели, концентрация определённых ориентированных на адресата языковых средств, как правило, значительно выше. Также были замечены случаи намеренного избегания определённых языковых средств в связи со спецификой аудитории и ситуации общения; это

особенно проявляется в использовании синтаксических средств. Наконец, в речах обоих политиков мы обнаружили продвижение партийной повестки посредством лексики, так или иначе выражающей идеологию и взгляды партии президента. Это свидетельствует не только о привлечении новых потенциальных сторонников партии, но и об отдельном стимулировании сложившейся партийной аудитории.

Говоря о втором тезисе, можно сделать вывод об ограниченном наборе наиболее значимых для речи федерального президента ориентированных на адресата средствах языка. Этот набор используется Р. Херцогом и сохраняется в речах Ф.-В. Штайнмайера, как качественно, так и количественно, несмотря на дискурсивные различия исследуемых периодов и вытекающей из них разнице адресатов. Стоит, однако, отметить, что мы столкнулись с исключениями: так, нынешний федеральный президент демонстрирует бóльшую склонность к восклицательным, вопросительным и коротким предложениям, указывающим на стремление к разговорной речи. Это, на наш взгляд, говорит о разнице в медийных образах политиков и связанных с ними ожиданиях аудитории. Кроме того, как особый случай следует рассматривать параллельные гендерные формы; можно утверждать, что в настоящее время они постепенно входят в постоянный набор средств под влиянием важнейшей для современной ФРГ феминистской дискуссии и связанных с ней общеязыковых процессов.

Настоящая работа может служить базой для дальнейших исследований проблемы фактора адресата в контексте публичной речи и политической коммуникации в целом. Более того, проведённый эмпирический анализ может стать основой для изучения политического дискурса Германии в периоды с 1994 по 1999 гг. и с 2017 г. по настоящее время, в частности, политических ключевых понятий и их прагматического потенциала или отличительных черт адресата федерального президента в указанные периоды.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Заглавия речей:

Р. Херцог

- 1) X-BB – памятное обращение день 50-летней годовщины Варшавского восстания;
- 2) X-СЕМ – вступительная речь на заключительном мероприятии в честь Международного года семьи;
- 3) X-РЖДВ – рождественское обращение;
- 4) X-ДРЗД – обращение в день 50-летней годовщины бомбардировки Дрездена во Вторую мировую войну;
- 5) X-РУМ – обращение к румынским немцам в евангелисткой городской церкви в Сибиу (Германштадте);
- 6) X-УЖИЗ – обращение во время ужина в честь израильского президента Эзера Вейцмана;
- 7) X-ГА – обращение на приёме участников 47-х Немецко-английских бесед Кёнигсвинтерской конференции;
- 8) X-МРШЛ – речь «Шансы и перспективы совместного развития Европы через 50 лет после плана Маршалла»;
- 9) X-РОСС – обращение к Государственной Думе РФ;
- 10) X-ОРД – обращение при вручении ордена ко Дню германского единства;
- 11) X-ПГРМ – памятная речь в день 60-летней годовщины Хрустальной ночи;
- 12) X-КТЛ – речь в честь празднования 150-го Немецкого дня католиков во франкфуртской церкви Св. Павла.

Ф.-В. Штайнмайер

- 1) Ш-ИНГ – инаугурационная речь;
- 2) Ш-САД – речь в честь открытия Международной садовой выставки;
- 3) Ш-СЕУЛ – речь в Институте политических исследований Асан (Сеул, Южная Корея);
- 4) Ш-ДЕМО – речь для дискуссии «Может ли демократия выстоять в 21-м веке?» в Университете Фрибурга (Швейцария);
- 5) Ш-РЖДВ – рождественское обращение;
- 6) Ш-Б – речь при вручении Ф.-В. Штайнмайеру «Статуи Б» Международного комитета Освенцима;
- 7) Ш-ЕВС – речь на конгрессе общин Центрального совета евреев Германии;
- 8) Ш-ЖС – речь на приёме Женского совета Германии;
- 9) Ш-КРН – телеобращение на тему пандемии коронавируса;

- 10) Ш-ВМВ – речь в честь 75-й годовщины освобождения от национал-социализма и окончания Второй мировой войны в Европе;
- 11) Ш-РАС – речь о расизме в Германии;
- 12) Ш-ЭСТ – речь в честь празднования 100-летия эстонского посольства с президентом Эстонии Керсти Кальюлайд.

Термины:

- 1) МЫ_{мет} – метафорически-экстенсивное *мы*;
- 2) МЫ_{ген} – генерализующее *мы*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1) *Алёшина Е. Ю.* Жанровые особенности публичной политической речи (на материале американской политической риторики) / Е. Ю. Алёшина // Университетский научный журнал. 2016. № 21. С. 51-58.
- 2) *Аристотель.* Риторика. Поэтика / Аристотель. Москва: Лабиринт, 2000. 224 с.
- 3) *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Москва: Наука, 1981. Т. 40, № 4. С. 356-367.
- 4) *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. Москва: Искусство, 1979. 341 с.
- 5) *Блох М. Я.* Публичная речь и ее просодический строй: монография / М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдина. Москва: Прометей, 2011. 236 с.
- 6) *Богданов В. В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1990. 87 с.
- 7) *Борисова Е. Г.* ИмPLICITная информация в рекламе и пропаганде / Е. Г. Борисова, Ю. К. Пирогова, В. Э. Левит // ИмPLICITность в языке и речи / ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 145-151.
- 8) *Брандес М. П.* Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. Москва: Высшая школа, 1990. 320 с.
- 9) *Гаврилова М. В.* Инаугурационная речь / М. В. Гаврилова // Дискурс-Пи. 2013. Том 10, № 3. С. 115-116.
- 10) *Езан И. Е.* Оценка в публичной речи (на материале выступлений современных немецких политиков): дис. ... канд. фил. наук: 21.10.04. / Езан Ирина Евгеньевна; науч. рук. К. А. Филиппов; СПбГУ. Санкт-Петербург, 2004. 17 с.
- 11) *Езан И. Е.* Роль фактора адресата в политической коммуникации / И. Е. Езан // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете: сб. науч. статей / ред. С. Т. Нефёдов Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2013. № 3 С. 129-137.
- 12) *Езан И. Е.* Реализация фактора адресата во внешнеполитических и внутреполитических речах Р. Херцога / И. Е. Езан // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования: сб. науч. статей. Омск, 2015. № 3 (7). С. 45-49.
- 13) *Езан И. Е.* Дискурс-анализ современных ключевых слов / И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики:

- сб. науч. статей. Тамбов: Издательство «Грамота», 2018. № 4-1 (82). С. 99-105.
- 14) *Езан И. Е.* Ключевое слово *Einheit* как маркер политического дискурса Германии / И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском Государственном Университете: сб. науч. статей / ред. С. Т. Нефёдов, И. Е. Езан.* Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2020 №. 9. С. 266-290.
 - 15) *Зиндер Л. Р.* Современный немецкий язык: теоретический курс / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. 3-е перераб. изд. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. 420 с.
 - 16) *Киянова К. А.* Приёмы диалогизации политической публичной речи (на материале выступлений Ангелы Меркель) / К. А. Киянова // *Вестник Костромского государственного университета.* 2018. № 24 (3). С. 235-239.
 - 17) *Кожина М. Н.* О диалогичности письменной научной речи / М. Н. Кожина // *Русский язык за рубежом.* 1981. № 6. С. 77-83.
 - 18) *Кропотухина П. В.* Метафорическая модель «Демократия — это растение» в политических дискурсах России и Великобритании / П. В. Кропотухина // *Политическая лингвистика.* 2011. № 2. С. 141-145.
 - 19) *Михалёва О. Л.* Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 04.10.04 / Михалёва Ольга Леонидовна; ИГУ. Кемерово, 2004. 21 с.
 - 20) *Нестерова Я. А.* Мотив реформы в современном немецком политическом дискурсе: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Нестерова Яна Анатольевна; науч. рук. Т. В. Юдина; МГУ им. Ломоносова. Москва, 2006. 22 с.
 - 21) *Филиппов К. А.* Лингвистика: курс лекций / К. А. Филиппов. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2003. 336 с.
 - 22) *Чейз Д.* Чем отличаются правые и левые партии в Германии / Д. Чейз, И. Филатова. // *Deutsche Welle [сайт],* 2021. 09.09.2017. URL: <https://p.dw.com/p/2j8HW> (дата последнего посещения: 03.04.2020).
 - 23) *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. Москва: Флинта, 2006. 136 с.
 - 24) *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. Москва: Гнозис, 2004. 324 с.
 - 25) *Шендельс Е. И.* Стилистика немецкого языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс. Москва: «Высшая школа», 1975. 316 стр.

- 26) *Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Т. 1. / Л. В. Щерба. Петроград: Типография А. Э. Коллинс, 1915. 276 стр.
- 27) *Юдина Т. В.* Германия: новая политэстетика / Т. В. Юдина. Москва: РОССПЭН, 2010. 175 с.
- 28) *Яковлева А. С.* Категория оценки в публичных политических речах П. А. Столыпина и Отто фон Бисмарка (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Яковлева Анна Сергеевна; ТюмГУ. Тюмень, 2006. 20 с.
- 29) *Якубинский Л. П.* О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Русская речь: сб. статей / ред. Л. В. Щерба. Петроград: Издание Фонетического института практического изучения языков, 1923. т. 1. С. 96-194.
- 30) *Braun F.* Können Geophysiker Frauen sein? Generische Personenbezeichnungen im Deutschen / Friedericke Braun, Anja Gottburgsen, Sabine Sczesny, Dagmar Stahlberg // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 1998. № 26. S. 265-283.
- 31) *Bremer H.* Politische Bildung / Helmut Bremer, Jürgen Gerdes // Handbuch Bildungs- und Erziehungssoziologie / Hgg. Ullrich Bauer, Uwe H. Bittlingmayer, Albert Scherr. Wiesbaden: Springer, 2012. S. 683-701.
- 32) *Brinker K.* Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / Klaus Brinker. 3. Aufl. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1992. 163 S.
- 33) *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung / Hennig Brinkmann. 2., neubearb. u. erw. Aufl. Düsseldorf: Schwann, 1971. 939 S.
- 34) *Burkhardt A.* Politolinguistik: Versuch einer Ortsbestimmung / Armin Burkhardt // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation / Hgg. Josef Klein, Hajo Diekmannshenke. Berlin, New York, 1996. S. 75-100.
- 35) *Burkhardt A.* Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte / Armin Burkhardt // Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hgg. Werner Besch, Anne Betten, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger. Halbbd. 1. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1998 S. 98-122.
- 36) *Burkhardt A.* Das Parlament und seine Sprache: Studie zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation / Armin Burkhardt. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996. 608 S.
- 37) *Charteris-Black J.* Analysing Political Speech. Rhetoric, Discourse and Metaphor / Jonathan Charteris-Black. London: Palgrave, 2018. 298 p.
- 38) *Dieckmann W.* Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache / Walther Dieckmann. Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1975. 147 S.
- 39) *Dijk T. A. van.* Racism at the Top. Parliamentary Discourses on Ethnic Issues in Six European Countries / Teun A. van Dijk, Ruth Wodak. Klagenfurt: Drava Verlag, 2000. 391 p.

- 40) *Felbick D.* Schlagwörter der Nachkriegszeit 1945–1949 / Dieter Felbick. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2003. 600 S.
- 41) *Girnth H.* Narration und Persuasion in der politischen Rede / Heiko Girnth, Stefan Burggraf // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik / Hgg. Hartmut Bleumer, Stephan Habscheid, Constanze Spieß, Niels Werber. Heidelberg, Berlin: Springer-Verlag, 2019. Bd. 49 (3). S. 107–119.
- 42) *Girnth H.* Politolinguistik / Heiko Girnth, Andy Alexander Hofmann // Literaturhinweise zur Linguistik. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2016. Bd 4. 74 S.
- 43) *Grice H. P.* Logic and Conversation / Herbert Paul Grice // Syntax and Semantics / Eds. P. Cole, J. Morgan. New York: Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41-58.
- 44) *Gronich M.* Das politische Erzählen: Zur Funktion narrativer Strukturen in Wolfgang Koeppens Das Treibhaus und Uwe Johnsons Das dritte Buch über Achim / Mareike Gronich // Szenen/Schnittstellen, Bd. 8 / Hgg. Todd Herzog, Tanja Nusser, Rolf Parr. Bielefeld: Wilhelm Fink Verlag, 2019. 431 S.
- 45) *Habscheid S.* Text und Diskurs / Stephan Habscheid. Paderborn: Wilhelm Fink, 2009. 122 S.
- 46) *Haid J.* Das politische Wir: Eine semantisch-pragmatische Analyse zur Verwendung der ersten Person Plural in öffentlichen Reden von nord- und lateinamerikanischen Politikern / Janett Haid // (Kon-)Texte des Politischen. Zeitschrift für Diskursforschung / Hgg. Łukasz Kumięga, Christian Karner. Weinheim: Beltz Juventa, 2018. № 2. S. 178-210.
- 47) *Hesse R.* Die Politische Rede: Das Beispiel Gerhard Schröder / Reinhard Hesse // Forschungsjournal Soziale Bewegungen / Hgg. Ansgar Klein, Jupp Legrand, Thomas Leif, Jochen Roose, Moritz Sommer.— Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2000. Bd. 13, Heft 3. S. 46-48.
- 48) *Höpcke F.* Schlüsselwörter in der Politik / Franziska Höpcke // Zeitschrift für Parlamentsfragen / Red. Prof. Dr. Suzanne S. Schüttemeyer. Baden-Baden, 2007. Bd. 38, Heft 2. S. 427-429.
- 49) *Kämper H.* Personen als Akteure / Heidrun Kämper // Handbuch Sprache in der Politik und Gesellschaft / Hgg. Kersten Sven Roth, Martin Wengeler, Alexander Ziem. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2017. S. 259-279.
- 50) *Klein J.* „Grundwortschatz“ der Demokratie / Josef Klein // Sprache und Politik: Deutsch im demokratischen Staat / Hg. Jörg Kilian. Mannheim: Dudenverlag, 2005. S. 128-14.
- 51) *Klein J.* Von Gandhi und Al-Qaida bis Schröder und Merkel. Politolinguistische Analysen, Expertisen und Kritik / Josef Klein. Berlin: Frank & Timme, 2016. 432 S.
- 52) *Meyrowitz J.* Die Fernsehgesellschaft. In 2 Bd. Bd. 2. Wie Medien unsere Welt verändern / Joshua Meyrowitz. Weinheim, Basel: Beltz, 1990. 301 S.
- 53) *Niehr T.* Einführung in die Politolinguistik. Gegenstände und Methoden / Thomas Nier. Göttingen, Bristol: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. 191 S.

- 54) *Niehr T.* Schlagwort / Thomas Nier // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / Hg. Gert Ueding. Tübingen: Niemeyer, 2007. Bd. 8 S. 496-502.
- 55) *Niehr T.* Schlagwörter und ihre rhetorische Funktion / Thomas Nier // Sprachgebrauch in der Politik. Grammatische, lexikalische, pragmatische, kulturelle und dialektologische Perspektiven / Hg. Annamária Fábián, Igor Trost. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2019. S. 187-200.
- 56) *Reisigl M.* Rhetoric of Political Speeches / Martin Reisigl // Handbook of Communication in Public Sphere / eds. Veronika Koller, Ruth Wodak. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. S. 243-269.
- 57) *Schröter M.* Adressatenorientierung in der öffentlichen politischen Rede von Bundeskanzlern 1951–2001: Eine qualitativ-pragmatische Korpusanalyse / Melani Schröter. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006a. 342 S.
- 58) *Schröter M.* Bezüge auf die Adressierten als Handelnde in der öffentlichen politischen Rede / Melani Schröter // Strategien politischer Kommunikation. Pragmatische Analysen / Hgg. Heiko Girth, Constanze Spieß. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2006b. S. 46-60.
- 59) *Schröter M.* Vom politischen Gebrauch der Sprache. Wort, Text, Diskurs. Eine Einführung / Melani Schröter, Björn Carius. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. 144 S.
- 60) *Schröter M.* Texte und Textsorten / Melani Schröter // Handbuch Sprache in der Politik und Gesellschaft / Hgg. Kersten Sven Roth, Martin Wengeler, Alexander Ziem. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2017. S. 212-233.
- 61) *Sowinski B.* Deutsche Stilistik. Beobachtungen zur Sprachverwendung und Sprachgestaltung im Deutschen / Bernhard Sowinski. 7. Aufl. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. 345 S.
- 62) *Spieß C.* Metaphern / Constanze Spieß // Handbuch Sprache in der Politik und Gesellschaft / Hgg. Kersten Sven Roth, Martin Wengeler, Alexander Ziem. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2017. S. 94-115.
- 63) *Spitzmüller J.* Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik: Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen / Jürgen Spitzmüller, Ingo H. Warnke // Methoden der Diskurslinguistik. Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene / Hgg. Jürgen Spitzmüller, Ingo H. Warnke. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008. S. 3–54.
- 64) *Waliszewska K.* Sprachliche Mittel der bewertenden Rede am Beispiel des Papstbildes Benedikt XVI. in deutschen und polnischen Presstexten: Eine sprachpragmatische Untersuchung / Karolina Waliszewska // Dycertacje Wydziału Neofilologii UAM w Poznaniu. Posen: Wydziału Neofilologii UAM, 2016. № 23. 217 S.
- 65) *Warnke I. H.* Methoden und Methodologie der Diskurslinguistik: Grundlagen und Verfahren einer Sprachwissenschaft jenseits textueller Grenzen / Ingo H. Warnke, Jürgen Spitzmüller // Methoden der Diskurslinguistik. Sprachwissenschaftliche Zugänge zur transtextuellen Ebene / Hgg. Ingo H.

- Warnke, Jürgen Spitzmüller. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008a. S. 3-54.
- 66) *Warnke I. H.* Text und Diskurslinguistik / Ingo H. Warnke // *Textlinguistik: 15 Einführungen* / Hg. Nina Janich. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2008b. S. 35-52.
- 67) *Wengeler M.* Wortschatz I: Schlagwörter, politische Leitvokabeln und der Streit um Worte / Martin Wengeler // *Handbuch Sprache in der Politik und Gesellschaft* / Hgg. Kersten Sven Roth, Martin Wengeler, Alexander Ziem.— Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2017. S. 22-46.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1) *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
- 2) *Duden:* Online-Wörterbuch: Internetseite. 2021. URL: <https://www.duden.de/> (дата последнего обращения: 18.04.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА С СОКРАЩЕНИЯМИ

Речи:

- 1) Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog anlässlich des Gedenkens an den 50. Jahrestag des Warschauer Aufstandes. 1. August 1994, Warschau. – X-BB.
- 2) Grußwort zur Abschlußveranstaltung zum Internationalen Jahr der Familie. 30. November 1994, Bonn. – X-CEM
- 3) Weihnachtsansprache 1994 von Bundespräsident Roman Herzog. 25. Dezember 1994. – X-РЖДВ.
- 4) Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog zum 50. Jahrestag der Zerstörung von Dresden im Zweiten Weltkrieg. 13. Februar 1995. – X-ДРЗД.
- 5) Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog beim Zusammentreffen mit den Rumäniendeutschen in Hermannstadt in der evangelischen Stadtpfarrkirche. 17. Mai 1995, Hermannstadt. – X-РУМ.
- 6) Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog anlässlich eines Abendessens zu Ehren des israelischen Präsidenten Weizman. 15. Januar 1996, Petersberg bei Bonn. – X-УЖИЗ.
- 7) Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog anlässlich eines Empfangs für die Teilnehmer der 47. Deutsch-Englischen Gespräche der Königswinter-Konferenz. 14. März 1997, Schloß Bellevue. – X-ГА.
- 8) „Chancen und Perspektiven des europäischen Zusammenwachsens 50 Jahre nach dem Marshallplan.“ 27. Juni 1997, Berlin. – X-МПИШЛ.
- 9) Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog vor der Staatsduma anlässlich seines Staatsbesuches in der Russischen Föderation. 03. September 1997, Moskau. – X-РОСС.
- 10) Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog aus Anlaß der Ordensverleihung zum "Tag der Deutschen Einheit." 09. Oktober 1997, Schloß Bellevue. – X-ОРД.
- 11) Rede von Bundespräsident Roman Herzog bei der Gedenkveranstaltung aus Anlaß des 60. Jahrestages der Synagogenzerstörung am 9.-10. November ("Reichspogromnacht"). 09. November 1998, Berlin. – X-ПГРМ.
- 12) Rede von Bundespräsident Roman Herzog anlässlich der Festveranstaltung "150 Jahre Deutscher Katholikentag" in der Frankfurter Paulskirche. 11. Juni 1998, Frankfurt am Main. – X-КТЛ.
- 13) Designierter Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier nach seiner Wahl zum Bundespräsidenten durch die Bundesversammlung. 12. Februar 2017, Berlin. – Ш-ИНГ.
- 14) Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier zur Eröffnung der Internationalen Gartenausstellung (IGA). 13. April 2017, Berlin. – Ш-САД.

- 15) Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier bei Diskussionsveranstaltung im Asan Institute for Policy Studies. 9. Februar 2018, Seoul/Korea. – III-CEYJ.
- 16) Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier bei der Podiumsdiskussion „Kann die Demokratie im 21. Jahrhundert bestehen?“ an der Université de Fribourg. 26. April 2018, Fribourg/Schweiz. – III-ДЕМО.
- 17) Weihnachtsansprache vom Bundespräsidenten. 25. Dezember 2018, Schloss Bellevue. – III-РЖДВ.
- 18) Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier bei der Übergabe der „Statue-B“ des Internationalen Auschwitz Komitees an den Bundespräsidenten. 31. Januar 2019, Schloss Bellevue. – III-Б.
- 19) Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier beim Gemeindetag des Zentralrates der Juden in Deutschland. 19. Dezember 2019, Berlin. – III-EBC.
- 20) Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier beim Empfang für den Deutschen Frauenrat zum Internationalen Frauentag 2020. 6. März 2020, Schloss Bellevue. – III-ЖС.
- 21) Fernsehansprache vom Bundespräsidenten Frank-Walter Steinmeier zur Corona-Pandemie. 11. April 2020, Schloss Bellevue. – III-KPH.
- 22) Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier zum 75. Jahrestag der Befreiung vom Nationalsozialismus und des Endes des Zweiten Weltkrieges in Europa an der Zentralen Gedenkstätte der Bundesrepublik Deutschland für die Opfer von Krieg und Gewaltherrschaft (Neue Wache). 8. Mai 2020, Berlin. – III-BMB.
- 23) Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier in einer Gesprächsrunde über Erfahrungen mit Rassismus. 16. Juni 2020, Schloss Bellevue. – III-PAC.
- 24) Bundespräsident Frank-Walter Steinmeier bei der gemeinsamen Teilnahme mit der Präsidentin der Republik Estland, Kersti Kaljulaid, an einem Festakt zum 100-jährigen Bestehen der estnischen Botschaft. 29. Juni 2020, Berlin. – III-ЭСТ.

Полные тексты речей опубликованы на официальном сайте федерального президента ФРГ:

Der Bundespräsident: offizielle Internetseite. 2021. URL: www.bundespraesident.de/ (дата последнего посещения: 25.04.2021).

Вспомогательные источники:

- 1) Christlich Demokratische Union Deutschlands (CDU): offizielle Internetseite. 2021. URL: <https://www.cdu.de/> (дата последнего посещения: 19.03.2021).
- 2) Freiheit in Verantwortung: Grundsatzprogramm der Christlich Demokratischen Union Deutschlands: beschlossen vom 5. Parteitag in

Hamburg am 20.-23. Februar 1994. Bonn: CDU-Bundesgeschäftsstelle, 1994. 116 S.

- 3) Hamburger Program: Grundsatzprogramm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands: beschlossen auf dem Hamburger Bundesparteitag der SPD am 28. Oktober 2007 / Hg. SPD-Parteivorstand. 1. Aufl. Berlin: Willy-Brandt-Haus, 2007. 77 S.
- 4) Sozialdemokratische Partei Deutschlands (SPD): offizielle Internetseite. 2021. URL: <https://www.spd.de/> (дата последнего посещения: 22.03.2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таб. 2*. Местоимение «мы»

Ф.-В. ШТАЙНМАЙЕР		ИНГ	САД	СЕУЛ	ДЕМО	РЖДВ	Б	ЕВС	ЖС	КРН	ВМВ	РАС	ЭСТ
Абстрактные	МЫ _{мет}	40	5	6	12	30	10	27	12	66	72	22	3
	МЫ _{ген}	-	4	1	2	-	1	1	1	-	-	-	1
Конкретные	МЫ _{я+ты}	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4
	МЫ _{я+вы}	-	1	-	2	-	-	-	5	-	6	-	-
	МЫ _{я+они}	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	МЫ _{я+он(а)}	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-
	МЫ _{(част)инк**}	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Замещающие	МЫ _{общ***}	-	-	2	5	5	-	5	6	1	1	4	4
Всего		370											
МЫ _{мет}		305											

*Naid J. Das politische Wir. Eine semantisch-pragmatische Analyse zur Verwendung der ersten Person Plural in öffentlichen Reden von nord- und lateinamerikanischen Politikern. Weinheim, 2018. S. 196. ** (Частично) инклюзивное *мы* (das (teil)höreinklusive Wir) включает оратора и (частично) аудиторию, в нашем случае – президент и некоторые слушательницы. ***Общее грамматическое *мы* является синонимом безличных конструкций, например, с местоимением *man*.

Таб. 3. Местоимение «мы»

Р. ХЕРЦОГ		ВВ	СЕМ	РЖДВ	ДРЗД	РУМ	УЖИЗ	ГА	МРШЛ	РОСС	ОРД	ПГРМ	КТЛ
Абстрактные	МЫ _{мет}	15	15	26	43	12	30	15	18	78	16	25	8
	МЫ _{ген}	-	-	-	5	-	-	2	-	-	-	-	-
Конкретные	МЫ _{я+ты}	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
	МЫ _{я+вы}	-	-	-	1	-	-	1	4	-	-	-	-
	МЫ _{я+они}	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	МЫ _{я+он(а)}	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	МЫ _{(част)инк}	-	-	-	3	-	-	1	-	-	-	-	-
Замещающие	МЫ _{общ}	-	5	-	2	1	3	-	-	4	-	-	-
Всего		335											

МЫмет	301
-------	-----

Таб. 4. Ключевые слова

	Ф.-В. ШТАЙНМАЙЕР							
	ИНГ	всего	САД	всего	СЕУЛ	всего	ДЕМО	всего
Общедис- курсивные	Zukunft	4	Hoffnung	1	Hoffnung	8	Zukunft	3
	Vertrauen	3	Zukunft	1	Wiedervereinigung/ wiedervereint	5/1	Digitalisierung	2
					Berliner Mauer/ Mauerfall	4/1	Polarisierung	2
							Brexit-Votum	1
							Der Arabische Frühling	1
							Der Eiserne Vorhang	1
Отдельный дискурс	–	–	–	–	–	–	–	–
Партийные	Mut/mutig/ Ermutigung	11/1/1	Gespräch	2	Dialog/ Dialogbereitschaft	3/1	Gesellschaft	4
	Gesellschaft	2			Gespräch	1	Mutig	1
					Mut	3		
Смежная группа	Verantwortung	2	Friede	2	Friede/friedlich	4/5	Demokratie/ Demokratien	5/2
	Demokratie	1			Freiheit	4	Freiheit	4
	Freiheit	1			Demokratie/ demokratisch	2/1	Verantwortung	1
	Menschenrechte	1			Wohlstand	3	Sicherheit	1
	Sicherheit	1			Sicherheit	1		
	РЖДВ	всего	Б	всего	ЕВС	всего	ЖС	всего
Общедис- курсивные	–	–	Hoffnung	1	Vertrauen/ anvertraut	6/1	–	–

					Toleranz	1		
					Zukunft	1		
Отдельный дискурс	-	-	Antisemitismus	6	Antisemitismus/ antisemitisch	3/7	Benachteiligung	2
			Verbrechen	1	Rassismus/ rassistisch	1/1	patriarchalisch	2
					Frauenfeind- lichkeit	1	Sexismus	2
					Homophobie	1	antifeministisch	1
					Islamismus	1	Diskriminierung	1
					Muslimfeind- lichkeit	1	Frauenhass	1
					Nationalismus	1	Frauenwahlrecht	1
					der Schoah	3		
Партийные	Gespräch	1	-	-	Gesellschaft	2	Gesellschaft/ gesellschaftlich	
	Gesellschaft	2			Gespräch	1	Mut/mutig/ ermutigen	
Смежная группа	Demokratie	4	friedlich	1	Recht/Rechtsstaat	2/1	Gleichberechtigung/ gleichermaßen [teilhaben]/ Gleichstellung/ gleich/ gleichberechtigt/ Gleichheit/ Gleichstellungs- politik	2/2/2/1 /1/1/1
					Demokratie	1	Demokratie/ Demokrat(in)/ demokratisch	3/2/1

					Freiheit	1	Recht/rechtlich	3/1
					Friede	1	befreien/ Freiheit	1/1
					Sicherheit	1		
	KPH	всего	BMB	всего	PAC	всего	ЭСТ	всего
Общедис- курсивные	Vertrauen	2	Vertrauen/ anvertraut	4/1	Bürgerrecht	1	Hoffnung	1
	Hoffnung	1	Zukunft	3	Toleranz	1		
			Hoffnung	1	vertrauenswürig	1		
			Wiederverei- nigung	1				
Отдельный дискурс	Einschränkungen	1	(Corona-) Pandemie	4	Rassismus/Rassist/ rassistisch/ Antirassismus/ Antirassist	14/2/1/ 1	(Corona-) Pandemie	2
	hamstern	1	Corona	2				
	Pandemie	1	Fremdenfeind- lichkeit	1				
	Virus	1	Holocaust- Gedenktag	1				
			Verbrechen	1				
Партийные	Gesellschaft	1	Mut	1	Gespräch	2	Mut	1
					Dialog	1		
					Gesellschaft	1		
					Mut	1		
Смежная группа	Krise	1	Befreiung/ befreit/ Freiheitsliebe	9/3/1	Demokratie/ DemokratInnen/ demokratisch	4/2/1	Demokratie	1
	Demokratie	3	Demokratie/ demokratisch/ Demokratie- verachtung	5/2/1	Freiheit	1	Freiheit	1

	Solidarität	3	Friede/friedlich/ Friedensordnung	2/2/1	friedlich	1	
	Verantwortung/ verantwortungs- bewusst	1/1	Verantwortung	4	Recht	1	
			Menschenrecht/ Völkerrecht	1/1	Verantwortung	1	
			Freiheit	1	Vielfalt	1	
	лексем	всего					
Общедиск.	<i>41</i>	<i>80</i>					
Отдельн.	<i>37</i>	<i>75</i>					
Партийные	<i>25</i>	<i>55</i>					
Смежная г.	<i>68</i>	<i>113</i>					

Таб. 5. Ключевые слова

	Р. ХЕРЦОГ							
	ВВ	всего	СЕМ	всего	ДРЗД	всего	РУМ	всего
Общедис- курсивные	Zukunft	2	Solidarität	1	Vertrauen	1	hoffnungsvoll	1
	Wendung	1					Solidarität	1
	Eiserner Vorhang	1					Vereinigung	1
Отдельный дискурс	Erinnerung	1	Familie/ Großfamilie/ Familienpolitik/ Familienför- derung/Familien- lastenausgleich/ Familienver- träglichkeit/ familiengerecht/	31/1/4/ 2/3/2	Opfer	9	–	–

			familien- freundlich					
	Opfer	1			Erinnerung	1		
	Scham	1			Verbrechen	1		
	Versöhnung	1			Versöhnung	1		
Партийные	–	–	–	–	–	–	–	–
Смежная группа	Freiheit/ Freiheitswillen	1/1	–	–	Demokratie	2	Grenzen	4
	Würde	1						
	УЖИЗ	всего	ГА	всего	МПИЛ	всего	ПОСС	всего
Общедис- курсивные	Solidarität	2	–	–	Einheit	1	Mauer	2
	Berliner Mauer	1			Hoffnung	1	Vertrauen	2
	Vereinigung	1			Menschenrechte	1	Rechtsstaatlichkeit	1
					Vertrauen	1	Wiedervereinigung	1
Отдельный дискурс	Opfer	2	–	–	–	–	Arbeitslosigkeit	1
	Verbrechen	2					Versöhnung	1
	Erinnerung	1						
Партийные			–	–	in der Mitte	1	–	–
Смежная группа	Frieden/ Friedensprozeß/ friedlich	8/2/2	Demokratie/ demokratisch	2/1	Wohlstand	4	Frieden/ friedlich	3/3
	Sicherheit/ sicher/ gesichert	1/1/1	Freiheit	1	Freiheit	3	Wohlstand	6
	demokratisch	1			Demokratie/ demokratisch	3/1	Demokratie	5
	Verantwortung	1			Frieden	1	Sicherheit	2
							frei	1
							friedlich	1
							Verpflichtung (= Verantwortung)	1

	ОРД	всего	ПГРМ	всего	РДЖВ	всего	КТЛ	всего
Общедис- курсивные	Rechtsstaat	1	–	–	Hoffnung/ Hoffnungszeichen	2/1	Globalisierung/ Globalisierungs- denken	1/1
					die Wende	1	Einheitsgewerk- schaft	1
					Einheit	1	Recht	1
					die Mauer	1		
					Solidarität	1		
Отдельный дискурс	–	–	Vernichtung/ Vernichtungsak- tion/vernichten/ vernichtet	5/1/1/1	–	–	–	–
			Erinnerung	7				
			Opfer	4				
			Pogrom	4				
			Auschwitz	1				
			Holocaust	1				
			Faschismus	1				
			Verbrechen	1				
			Genozid	1				
Партийные	Gesellschaft	1	Mut	1	–	–	Zentrum (=Mitte)	1
Смежная группа	Demokratie/ demokratisch	¼	Verantwortung	3	Familien/ familienfreundlich	4/1	Demokratie/ demokratisch/De- mokratiebewegung	2/1/1
			Demokratie	1	Freiheit	5	Freiheit	1
			Freiheit	1	Arbeitslosigkeit/ Arbeitsmarkt	1/1	Verantwortung	1
					Wohlstandsgesell- schaft	1		

			Verantwortungs- bewusst	1	
	лексем	всего			
Общедиск.	<i>31</i>	<i>38</i>			
Отдельн.	<i>33</i>	<i>93</i>			
Партийные	<i>3</i>	<i>3</i>			
Смежная г.	<i>46</i>	<i>83</i>			